

Время дождей

ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ

ДАРЬЯ КАРАБАШЕВА

Дарья Карабашева

Шахматная партия. Время дождя

«Автор»

2023

Карабашева Д.

Шахматная партия. Время дождя / Д. Карабашева — «Автор»,
2023

В детстве я очень любила сказки. Чтобы принц, дракон и про любовь. И обязательно со счастливым концом, где «честным пирком да за свадебку». Что делать, если из всего сказочного мне досталось только имя? Наверное, ничего. Учиться нелюбимой экономике, рисовать в свободное время, дружить с самым популярным парнем в университете. Случайно спасти ему жизнь... Совершенно случайно, клянусь! Но судьбе, или кто там вверху всем управляет, уже все равно. «И теперь всего будет сполна», просила я этого или нет. Влюбиться в не того? Запросто. Узнать о предательстве любимого? Да у кого такого не было? Стать живым щитом и пешкой в игре? Сделано. Снова поверить?..

© Карабашева Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Кофе	5
2. Рокировка	10
3. Летние каникулы	15
4. Каникулы. Продолжение	24
5. Ритуал	32
6. Стажировка. Начало	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дарья Карабашева

Шахматная партия. Время дождя

1. Кофе

Шах королю можно отбить одним из следующих способов:

- отойти королем на поле, которое не находится под ударом фигур соперника;
- взять фигуру, которая угрожает королю;
- прикрыть короля, поставив другую свою фигуру под удар на поле, что находится между королем и фигурой, которая его атакует. (Википедия)

Кофе закончился. Совсем. На всякий случай я подтащила табуретку и проверила коробку на холодильнике. Остатки пачки я достала оттуда на прошлой неделе, но вдруг? Вдруг там осталось что-нибудь незамеченное. С прошлого месяца. Да пусть хоть с прошлого года, но хоть что-то!

Но нет. И это было ужасно. Я не могу нормально проснуться без кофе, и весь день потом тоже идет насмарку. Портить день, который и без того мог оказаться сложным, было очень обидно. И, как назло, никаких кофеен по пути к университету я не знала, потому что переехала совсем недавно. Хотя... Кажется, в холле главного корпуса было что-то похожее на кофейный автомат. Если прямо сейчас выбежать и сесть на подходящий автобус, можно успеть выпить кофе до начала лекций. Да, так и сделаем, бегом-бегом! Я обрадованно покидала вещи в рюкзак и заторопилась к остановке.

Не подумайте, я не кофезависимая. Просто это такая привычка. Кто-то, например, курит сигареты с утра, кто-то в ванне лежит (хотя откуда эти люди берут время для ванны с утра, я не понимаю), а я пью кофе. Утренний кофе особенный. Он помогает сделать шаг из сна в реальность. Пусть ты встала, но пока не сделан первый глоток кофе, ты все еще там, в мире снов. А кофе берет тебя за руку, и вы вместе – не прыгаете, нет – медленно проявляетесь в мире, как фотоизображение в проявителе. Вот поэтому еще я не люблю пить утренний кофе на бегу. Мешает процессу проявки.

С автобусом мне повезло, и приехала я с хорошим запасом времени. И память меня не обманула, кофейный автомат в холле действительно стоял. Два незнакомых парня стояли перед ним, тоже покупая кофе. Я мысленно торопила их, уже предвкушая первый волшебный глоток.

Наконец, они отошли, я и рванулась к автомату, сжимая в руке приготовленные монетки. И тут день, который только грозился стать испорченным, им стал. В автомате кофе не было. Закончился. Обидно было так, что я чуть не расплакалась. Разочарованно застояв, я слегка стукнулась об угол автомата головой.

Внезапно я увидела какое-то движение сбоку и выругалась про себя. Эти два типа, которые украли мою порцию кофе – я думала, они ушли. Но нет, они стояли поблизости и смотрели на меня со странным выражением. Щекам стало жарко, я ненавижу попадать в глупые ситуации. Сейчас еще, не дай бог, скажут что-нибудь остроумное. Чувствуя, как уже все лицо начинает гореть, я подхватила сумку и задрала голову, попыталась гордо пройти мимо.

– Девушка, вы так сильно хотели кофе? Простите, мы последний забрали.

Светловолосый парень стоял прямо у меня на пути и улыбался. Очень обаятельной улыбкой. Но я не выпалась, мне не досталось кофе, я попала в глупую ситуацию, и теперь одной улыбкой день было не спасти.

– Приятного вам кофепития, – буркнула я, пытаюсь обойти его.

– Возьмите мой. Я его не пил еще, честное слово.

Он шагнул ко мне и протянул свой стаканчик. Это было настолько непохоже на то, что я готовилась услышать, что я растерянно уставилась на парня и машинально взяла протянутый стаканчик. А он еще раз улыбнулся мне, и ушел, потянув спутника за собой.

А кофе – горячий, черный, без сахара – остался со мной.

Неожиданное и милое начало. Я прислонилась к окну, кинув рюкзак на подоконник и отпивая кофе. Пусть и все остальное будет таким же хорошим.

Я перевелась сюда в этом году из университета в небольшом провинциальном городке. Все лето потратила на оформление необходимых документов. И как раз начался мой первый семестр в столичном заведении. Факультет истории и экономики. Сама не знаю, как так все получилось, но получилось. Несмотря на то, что родители не одобряли, и все знакомые как один твердили, что ничего у меня не получится. Может, так оно и было бы, если бы они сами же мне и не напоминали. А так – я просто обязана была доказать всем, что смогу. Ну вот, смогла. И теперь я здесь. За много сотен километров от родного городка.

В первую неделю лекции заканчивались непривычно рано. Обычно я либо с картой наперевес изучала расположение аудиторий, библиотек и столовых, либо шла бродить по улицам. Общежитие, в которое мне повезло попасть, находилось в десяти минутах езды на автобусе. В хорошую погоду можно было без проблем дойти пешком. Новые места всегда необъяснимо притягательны. Мне нравилось ходить и постепенно узнавать город.

Сегодня же мне нужно было записаться на лекции и семинары. Повезло, что вовремя подсказали, иначе мест могло бы не хватить. Но пару интересных предметов я все-таки пропустила. Придется ловить в следующем семестре. Ноутбук я купила летом в качестве поздравления за удачный перевод, и теперь сидела на портале, разбираясь с планом занятий.

Звякнуло сообщение в мессенджере. Я взяла телефон и скривилась. Бывшая одноклассница спешила поделиться со мной новостью, что мой бывший же бойфренд начал встречаться с кем-то там. Воодушевляющая история, я же так хотела это знать. Прямо жизнь не мила была. Тем более, что расстались мы очень нехорошо. Правда, я считала, что это целиком и полностью его вина. Не надо было встречаться с двумя девушками сразу. Не рассчитал человек, что девушки могут оказаться знакомы, и однажды разговориться. Когда все выплыло, он писал мне, обвинял в том, что я все испортила. Испортила. Я. Укоров совести я не чувствовала, но осадок остался неприятный. Я не ответила и кинула телефон обратно.

– Ну что, как тебе тут? – Маша, моя соседка по комнате, притащила откуда-то торт и водрузила его на стол. – Пошли чай пить.

– Нормально, непривычно пока. Но как-нибудь справлюсь. – Я подтянула стул и взяла чашку. – У нас немного другая система была. А так – нормально.

– Как мальчики?

– Какие?

– В смысле какие? У нас на потоке мальчиков полно, что, ни одного не заметила?

– А-а-а, да я пока не поняла еще, – я рассмеялась. – Правда, вот кофе подарили в первый день.

Я, все еще улыбаясь, пересказала ей историю, изобразив в лицах автомат, себя и парней.

– Круто, – одобрила она, – Хорошее начало. Если я угадала правильно, то это Даниэль. Даниэль – это к счастью. В личной жизни. Наверное.

– Даниэль – это который?

– Блондин.

– А второй? Я, правда, не разглядела...

– Это Максим. Они всегда парой ходят.

– Почему?

– Любовь, наверное, – пожалала она плечами. – Да шучу я, – хихикнула, глянув на меня. – Но они и правда ни с кем не встречаются. Ходят, улыбаются всем, особенно Даниэль, но дальше улыбок – никак. У нас на первом курсе среди девчонок аж пари было, кто первый их закадрит. Но все проиграли.

– Пари?

– Ну, типа того.

– И ты участвовала?

– Я дура, что ли? От таких мальчиков одни проблемы.

Наверное, она права. Я вздохнула. Мне не особо везло в отношениях до сих пор. Как-то не складывалось. А даже если и складывалось, то ненадолго. Последняя история была ярким тому примером.

Ну и ладно. Буду учиться, стану умная, компенсирую себе отсутствие большой любви.

Физкультуру первой парой я ненавидела. Мало того, что потом приходилось весь день таскать с собой форму, так еще и после физических нагрузок я чувствовала себя разбитой и хотела спать. Хотя должно было быть как раз наоборот. Но мой организм имел свое мнение на этот счет.

Большая часть девушек с нашего потока оказалась в так называемой спецгруппе по состоянию здоровья. Занимались они аэробикой и всяким подобным в красивых зеркальных залах. Основную же группу беспощадно гнали на улицу почти в любую погоду. Не то, чтобы я хотела остеохондроз или внутричерепное давление, но в дни, подобные сегодняшнему, я искренне им завидовала.

Зачет по прыжкам в длину я сдала с третьего раза. И то, мне кажется, преподавателю просто надоело. После, пользуясь тем, что он отвлекся, я уселась у выхода со стадиона, кутаясь в куртку. Осень, как-никак, поздняя, причем.

– Сидишь?

Маша подошла и села рядом на скамейку. Ее нахождение в основной группе, кажется, не расстраивало. – Там тебя препод искал, говорит, у тебя еще зачет по прыжкам через козла.

– Не пойду. Пусть сам прыгает. – тоскливо ответила я. – Ну вот объясни мне, на кой черт мы это делаем, а?

– В здоровом теле – здоровый дух и все такое.

Я скорчила рожу. – Нет, ну правда. Какое значение в моей будущей жизни будет иметь умение прыгать через козла?

– О! – Маша подняла палец вверх. – Ты не понимаешь, умение прыгать через козла – одно из самых важных для любой девушки! Главнейшая составляющая счастья.

– Мне это не дано, – помотала я головой. – Чтобы перепрыгнуть, надо сначала козла распознать. А они маскируются.

– Курсы распознавания козлов? – предложила она.

– Открой – разбогатеешь.

Маша фыркнула в ответ. – Ладно, все двигают обратно в спортзал, я пойду вещи заберу. А зачет все же сдай, а то потом боком выйдет.

– Угу. – я кивнула, глядя на разноцветную толпу, идущую на выход.

– Привет! – Даниэль кивнул мне, опустил на соседнюю скамейку и наклонился, перешнуровывая кроссовок. Максим остановился рядом, ожидая.

– Я в зале боккены видел. Составишь пару?

– Не-а. – Даниэль мотнул головой. – Мы два часа тут круги наматывали, тебе не надоело?

– Не два, а полтора.

– Великая разница, – фыркнул Даниэль.

– Ну, видимо, кому-то великая, – съехидничал Макс. Выглядел он отвратительно бодро, особенно для того, кто по его же словам полтора часа чем-то активно занимался. Похоже, Даниэль думал так же, потому что поднял голову, искоса глянув на Макса, и произнес:

– Тебя надо меньше кормить, в тебе слишком много энергии.

– А тебе надо меньше пить кофе. В здоровом теле – здоровый дух.

Эта фраза звучала сегодня уже дважды с перерывом в несколько минут. Не сдержавшись, я хихикнула. Макс глянул на меня, словно только что увидел. Даниэль улыбнулся мне, и ответил, поднимаясь, Макс, – Что бы ты понимал в удовольствиях этой жизни.

И правда. Удовольствие от кофе я понимала. А от спорта... Я читала про эндорфины и тому подобное, но, видимо, у меня они не вырабатывались. Ни разу в жизни не испытывала вот это вот ощущение «второго дыхания» и радости от физических нагрузок. Нет, вру, испытывала – в момент окончания занятий. Я вздохнула и поднялась за Машей, которая как раз прошла мимо.

– Маш, тебе нравится физкультура?

Она пожала плечами. – Скучновато, но в целом мне нормально. А что вдруг?

– Да так, задумалась о людях, которым такое нравится.

– Это тебя кто впечатлил?

– Почему сразу впечатлил?

– Я видела Даниэля с Максимом рядом.

– А, ну да. То есть, не они, но неважно...

Мысль закончить я не успела.

– Катина!

Я обреченно остановилась. Маша оглянулась и сочувственно похлопала меня по плечу.

– Удачи с козлами!

– К черту!

Даниэля я с первого взгляда (ну ладно, со второго) определила в категорию парней, которые "слишком хороши". Поэтому даже и не стоит пытаться привлечь внимание, понравиться. Ну, потому что бессмысленно. Гораздо разумнее любоваться издали, как предметом искусства. И нервы целее будут, и глупостей меньше наделаешь.

Девушек вокруг него было много. Видимо, несмотря на неудачи на первом курсе, кто-то все еще не терял надежды. Но, похоже, зря.

Есть такие газы – инертные, они же благородные – вещества с низкой химической активностью. Учебник гласит, что "благородные газы химически неактивны и способны участвовать в химических реакциях лишь при экстремальных условиях."

Вот и тут то же самое. Помню, когда я зачитала определение инертных газов применительно к Даниэлю Машке, мы полчаса хохотали, фантазируя, какие же экстремальные условия понадобятся ему, чтобы, например, жениться. Нападение динозавров или налет инопланетян учли.

– Так исторически сложилось, – терпеливо начал он.

Ненавижу это выражение. Я пожала плечами и заявила, – Ну так поменять их!

– Что поменять?

– Традиции!

Может, мне показалось, но в его глазах мелькнуло изумление. Он ничего не ответил. Дискуссию подхватили другие участники. Мне, как достаточно высказавшейся, слова больше не давали. Бог с ним. Я надеялась только, что преподаватель достаточно либерален, чтобы не снижать оценки за иную точку зрения. Мне всего-то зачет нужен. Дернул меня черт за язык!

Иногда меня несет, и я становлюсь очень красноречивой. К счастью, или нет, но это случается нечасто.

Но, с другой стороны, вот это вот «исторически сложилось» меня всегда ужасно злило. Особенно когда этим пытались объяснить существующее положение дели и неготовность его менять. Вот почему женщины не могли наследовать титул, распоряжаться имуществом? Зачем обязательно нужно было выходить замуж? Почему в массе своей не принято было допускать женщин до управления чем бы то ни было, от имения до страны? Возмутительно. Вот об этом мы и поспорили с Даниэлем.

Автобусная остановка была пуста. Дождь никак не мог определиться, идти ли ему, или все-таки нет. Нужно будет купить чехол для рисунков. Лекции по средам заканчивались рано, и я как раз успевала на дневные занятия по рисованию. Были и вечерние, но возвращаться потом домой в темноте не хотелось.

Жаль, что не получилось закончить художку. К выпускным классам стало не до этого, и я перестала ходить. Сейчас мне этого не хватало, все-таки поставленная рука если и не чудеса творит, то уж точно сильно облегчает жизнь.

Еще нужно что-нибудь придумать с подработкой. Возможно, официанткой или продавщицей. Я ни на чем не концентрировалась, позволяя мыслям перепрыгивать с одного на другое.

И проект. Нужно выбрать проект. Если честно, я понятия не имела, что мне с ним делать. Сокурсники всюду искали компании, куда бы их взяли в качестве стажеров, а я никак не могла решить. Вот если бы в качестве проекта сделать серию работ тушью на заданную тему – я бы с удовольствием. Историко-экономическое направление оказалось не совсем моим. Надо было выбирать историю искусств. Или вообще на дизайнера какого-нибудь идти. Ну, может, когда-нибудь успею.

В этой части города дождя не было. Зато был парк, в котором всюду валялись кленовые листья. Я с большим удовольствием походила и попинала их ногами. В углу на скамейках старички играли в шахматы, эмоционально обсуждая каждый сделанный ход.

– Пешка – это же душа шахмат! Ну куда ты их зря тратишь?

Душа шахмат, надо же. Да этот игрок – поэт. Я разулыбалась.

2. Рокировка

В шахматной игре: одновременный ход королём и ладьёй, при котором ладья придвигается к королю, а король ставится рядом по другую её сторону. «Oxford Languages»

Другой случай, когда описываемый маневр уместен – предотвращение планируемой атаки противника. Ход атаки зависит от текущего расположения фигур на доске, поэтому поменяв рисунок на поле, вы спутаете планы своего противника. (Chess Boom)

Есть правило: расставляйте свои фигуры таким образом, чтобы они защищали друг друга или были под защитой пешки. Это позволит Вам свести к минимуму быстрые проигрыши на вилках, двойных и сквозных атаках. (Chess Boom)

Леди Альтан сердито постучала по столу перчаткой. – Возмутительно! У младшего поколения нет никакого уважения к старшим! И эти идеи, которые приходят им в голову!..

– Мне это кажется хорошей идеей.

– Ты так думаешь? Тоже считаешь, что мы должны развивать отношения с людьми, – с легкой гримасой спросила она.

– Я считаю, что Даниэлю будет полезно какое-то время провести вдали от дома. Опыт, который он приобретет, пригодится ему в дальнейшем.

– Ты же понимаешь, что мне нужен живой и здоровый внук?

Рейн промолчал. Этот вопрос не требовал ответа, и он об этом знал. Леди вздохнула и задумалась.

– Я не хочу, чтобы он ехал один. – произнесла она через некоторое время.

– Можете отправить вместе с ним Максима. Его семья вряд ли будет против.

– Черный кофе с собой, без сахара, три порции, пожалуйста.

Стоявший за плечом Макс выразительно поднял бровь. – Три?

– Да.

Вторая бровь поднялась еще выразительнее. Дан искоса глянул на него.

– А ты против?

Макс пожал плечами. – Ну, если тебе вдруг, совершенно случайно и внезапно, интересно мое мнение... То зря ты это все.

– Почему?

– А то сам не понимаешь.

Дан упрямо поджал губы, забрал подставку с двумя стаканчиками и молча пошел от кофешопа. Макс пару секунд смотрел ему в спину, со вздохом взял свой стаканчик с прилавка и направился вслед.

– Я много чего понимаю, – произнес наконец Дан. – Но, что теперь, по-твоему, я должен выбирать друзей исключительно из Общего Геральдического справочника? Я никогда не смогу понять людей, если не буду с ними общаться. Так ведь?

– Когда ты так говоришь, то кажется, что ты прав. – Макс покрутил стаканчик в руках. – Но, когда противоположное говорит твоя бабушка, она тоже звучит весьма убедительно.

Дан рассмеялся. – А ты меня слушай, а не ее. Ну или давай, расскажи мне сегодняшнюю порцию про необходимость думать о долге и чести, о том, что обществу не нужны потрясения...

– Это пусть тебе Рейн говорит.

– А он как раз ничего не будет говорить.

– Правильно, потому что он знает, что это бесполезно. – Макс махнул рукой. – Твой кофе, делай с ним, что хочешь.

– Привет!

Даниэль опустился на соседнюю парту, держа в руках подставку с двумя стаканчиками кофе.

– Привет, – пахло умопомрачительно и я украдкой вздохнула.

– Хочешь кофе?

– А разве это не Максиму?

Даниэль весело помотал головой, – Макс сам себе умеет кофе покупать. Держи.

И подвинул мне один стаканчик. Неожиданно. Но приятно.

Я знала эту кофейню, кофе там был отличный. Мы как-то с Машей отметили там начало учебного года. Один раз. Часто туда не ходишь, цены слегка кусаются. А еще у них классно разрисованные стаканчики к каждому празднику. И не только к праздникам. Милый стаканчик с муми-троллями с нашего прошлого похода туда до сих пор стоял у меня на столе.

Сегодняшний был с тыквами и ведьминскими шляпами. Ну да, скоро же Хэллоуин. Надо и этот стаканчик унести домой, будет коллекция.

Мы сидели и молча пили кофе. Я чувствовала себя слегка неловко, потому что мне казалось, что я что-то должна сказать. Что-нибудь умное и легкое. Этаким small talk. Но у меня как-то не задалось с остроумием, особенно, когда действительно хочется произвести впечатление. Я придумываю шикарные фразы. Но всегда после. Или вместо. В момент общения у меня почему-то не получается блистать. В отличие от, например, от Машки. Язык у нее острый, чувство юмора отменное. А еще наблюдательность. В этом они очень похожи с Максимом. Честно говоря, я бы с удовольствием свела их вместе и послушала бы. А вот и он, кстати. Прощел, мрачно глянув на меня, и плюхнулся на место рядом с Даниэлем. Даниэль посмотрел на меня с извиняющейся улыбкой и повернулся к нему, о чем-то спрашивая.

Я вздохнула с облегчением и разочарованием одновременно. Не надо больше думать, как начать и поддержать беседу. С другой стороны, такой шанс был... Интересно, кстати, с чего бы вдруг этот кофе? Компенсация за позавчерашний семинар? Так это я на него нападала, он как раз пытался быть вежливым. Тогда уж я должна была бы ему кофе покупать. А, пусть будет просто так. Может, у него настроение хорошее было с утра. И окажись рядом другая девушка, предложил бы ей.

Через пару дней мы снова столкнулись с Даниэлем у дверей одной из аудиторий. Как раз закончились занятия нашей группы, и я пыталась продумать, как мне успеть в два магазина, за украшениями для Хэллоуина, и за продуктами для него же. В выходные мы планировали устроить вечеринку в общежитии, я хотела все приготовить заранее.

– Привет! – на его улыбку невозможно не ответить. – Как дела?

Формальность, но все равно приятно. Мы обменялись ничего не значащими фразами про то, про се. Краем глаза я заметила, как некоторые проходящие мимо девушки замедляли шаг, окидывая меня недоуменными взглядами. Да, я знаю, что не так, чтобы популярна среди парней. Тем приятнее было стоять тут с Даниэлем. Я усмехнулась про себя. «Тщеславие – мой любимый грех».

– Ты торопишься куда-то?

– Да нет, не особо...

– В кофейне придумали тыквенный раф. Ты пробовала?

– Нет. Я вообще раф не пробовала, тем более тыквенный.

– Я тоже, – улыбнулся он. – Может, вместе сейчас зайдём? Давай, соглашайся, – заметив мои колебания, озорно продолжил он, – в компании раф вкуснее.

Раф и правда был вкусный. И компания приятной. Максим, присоединившийся чуть позже – язвительный. Это было ожидаемо, впрочем, поэтому не сильно испортило настроение.

Маша, когда мне пришлось объяснять ей, почему у нас все еще нет украшений, скептически нахмурилась. – Не знаю, это твое дело, конечно, но мне кажется, отношения с ним – не самая лучшая идея. Хотя...

– Знаешь, – я гоняла чайники по кружке, – что-то мне подсказывает, что никаких отношений и не будет.

– Почему?

– Сложно так сразу сказать. У меня такое впечатление осталось. Во-первых, на свидания не ходят с друзьями, так что это вряд ли было свидание. Во-вторых, на свидании не обсуждают формы правления...

– Вы обсуждали формы правления? – Маша недоверчиво уставилась на меня.

– Угу. Преимущества и недостатки охлократии. Слабо тебе такое на свидании? Хорошо, что у меня есть гугл, я даже термин не сразу признала. Опозорилась бы.

Она, подперев рукой подбородок, смотрела на стену. – Ты за украшениями завтра пойдешь? У меня тут идея рождается...

Машина идея вылилась в приглашение Даниэля и Максима на нашу общаговскую вечеринку. Я была против, но она настояла, убедительно аргументировав, что надо ударить жесткой реальностью по не оформившимся пока иллюзиям. Пусть, мол, Даниэль сразу увидит, с кем общаться пытается. В естественной среде, так сказать, пронаблюдает. Звучало это как-то не очень, но подумав, я согласилась. И правда, что я теряю. Подозреваю, Машке и самой было ужасно любопытно, что получится. Я была уверена, что откажутся.

А они пришли.

А потом мы ходили в кино. А потом еще куда-то. Постепенно наши места на общих лекциях тоже стали оказываться рядом. С Даном было интересно. А еще мне льстило, что его интересовало мое мнение. Действительно интересовало, не в качестве жеста вежливости. О чем мы только не говорили. Пожалуй, хорошая дружба лучше романтики, окончательно решила я.

За все в жизни приходится платить. Я обзавелась другом и парой недоброжелателей. Регулярные сплетни, долетавшие так или иначе, поначалу портили настроение. Но удивительно – довольно-таки быстро все улеглось.

Почему другом, а не друзьями? Потому что назвать и Макса другом можно было с большой натяжкой. Мы общались втроем, но у меня было стойкое ощущение, что он воспринимает меня как какое-то неизбежное зло, которое приходится терпеть.

Я в свою очередь тоже никак не могла проникнуться к нему симпатией, потому что постоянные его колкости не оставляли для этого шанса. Я не могу жить в состоянии вечной войны. Знаю, кого-то такие ситуации заводят и держат в тонусе. Мне же было просто некомфортно.

И меня задевало его отношение, что уж скрывать. Я не понимала, чем такое заслужила. С другой стороны, он не обязан меня любить, напоминала я себе. Может, я похожа на его злую тетюшку, которую он терпеть не может. Всякое в жизни бывает.

Однажды Дан притащил дорожную шахматную доску и расставил фигуры по клеткам. – Макс, смотри, как думаешь, какой следующий ход?

Макс тут же отложил телефон и перегнулся через спинку стула, внимательно изучая расстановку. – Ты черными?

– Ага.

– D6. Еще можно на G6, наверное.

Дан еще немного подумал и переставил пешку на одну клетку вперед. Потом отправил сообщение на телефоне. Через минуту звякнуло ответное смс. Дан прочитал и передвинул белую фигурку.

– Это же получается сицилианская защита?

– Угу.

– Думаешь, купится? – голос его звучал скептически, но в глазах светилось предвкушение.

– Вот и посмотрим. Попробую вариант дракона.

Дан снова передвинул черную фигурку на место белой, убирая ту с поля. Они сосредоточенно следили за ходами, переписываясь со вторым игроком. Дан выстроил пешки в неровную линию.

– Предположения по развитию?

Макс пожал плечами и ткнул пальцев в клетку на доске. – Ну смотри, ему можно пойти f4 с последующим e4-e5, или h3...

Дан внимательно слушал и кивал. Я сидела рядом, понимая примерно столько же, сколько в китайских иероглифах.

– Не угадали. – Дан в очередной раз прочитал смс и переставил фигурки. Фигурок оставалось все меньше и меньше. Оба торжествующе улыбнулись, когда Дан передвинул черную ладью на середину доски. Еще несколько ходов. Похоже, они выигрывают.

– Черт! – внезапно Дан нахмурился, а Макс страдальчески сморщился. На какое-то мгновение лица снова вспыхнули надеждой, но скоро оба помрачнели окончательно.

Наконец через какое-то время Дан со вздохом откинулся на спинку скамьи. – Не вышло. А ведь было так близко.

– И что пошло не так?

Дан переписывался со вторым игроком. – Говорит, на двенадцатом ходу надо было идти пешкой на h5. Надо будет разобрать этот вариант. Сыграем потом с тобой?

Они оглянулись, вспомнив обо мне. – Ты играешь?

– Не-а. – я помотала головой. – Все, что я знаю, что это называется «шахматы».

Даниэль снова расставил фигурки на доске. – Хочешь попробовать? Я объясню...

Макс опять вернулся мрачнее тучи. Дан сочувственно глянул, – Из дома звонили?

Макс зло пнул стул и не ответил. Дан вздохнул и закрыл ноутбук. – Слушай, мне жаль.

– Ты-то тут причем? – огрызнулся Макс.

– А то я не догадываюсь, что тебе говорить могут.

Макс продолжал молчать, мрачно смотря в угол.

– Злишься? – помолчав, снова заговорил Дан.

– Злюсь, разумеется. Делаешь что-то ты, а все шишки на меня сыплются.

– От кого на этот раз лекция?

– От мамы, – нехотя произнес Макс. – Не знаю, почему они решили, что я должен за твоим моральным обликом следить.

Он опять пнул ножку стула, сдвигая его с места.

– Я не собираюсь ни с кем заводить роман. Всем не по разу объяснял... – Дан выглядел одновременно сердитым и виноватым.

– Знаешь, романы – штука такая, как блохи. Ты не планируешь, а они заводятся. – съязвил Макс. – И Василиса твоя...

– А что она?

– Ничего. Кроме того, что сегодня мне именно из-за нее мозг выносили.

– Вот как?

– А вот так, разведка работает, партизаны не дремлют. А я тебя предупреждал!

– Слушай, ну она-то совсем тут ни при чем, – Дан начал тоже сердиться.

– А я при чем? Мне в кайф слушать нотации на час-два? При чем по вещам, на которые я, в общем-то, влиять не могу...

– Прости, я как-то не ожидал, на самом деле, что все это вот так будет. – Дан растерянно развел руками. – И не понимаю, чего вдруг все всполошились сейчас. В прошлом году вроде спокойнее было.

– В прошлом году у тебя подруги не было. А в этом – есть. Ты и правда не понимаешь, как со стороны это выглядит? Появилась новая девочка и ты вдруг вспылал к ней чувствами, кофе, кино, тусовки...

– Стой, стой. Это не то, что вы думаете, я все объясню. – Дан шутя выставил вперед ладони. – Нет, если серьезно, ты же видишь разницу. Вася на меня не вешается.

– Это пока, – все еще хмуро заметил Макс.

– Да нет, если бы собиралась, то давно бы уже начала. Ну правда. А вот ты своим языком ее когда-нибудь доведешь.

– Ничего, переживет. Она только с виду нежный цветочек, вот увидишь еще. – Макс потихоньку отходил, успокаиваясь. – И все-таки, заведи себе еще одну подружку, что ли. Чтоб она не так в глаза бросалась. А то натравят на нее кого-нибудь.

Дан тоскливо посмотрел на него. – Можно подумать, такие подружки тут в очередь стоят. Чтобы и поговорить можно было, и чтоб без матримониальных планов. А если они с планами, а я – без, то как-то нечестно, понимаешь?..

– Нахватался идеалов от Рейна?

– А у меня своих идеалов быть не может? – вскинул голову Дан. – Слушай, а может, тебе?..

– Нет уж, – открестился Макс. – Я еще слишком молод и хочу пожить для себя. Тем более, как раз мои подружки никого не интересуют, хоть я гарем заведи...

3. Летние каникулы

Я не знаю, кому в голову пришла идея с базой отдыха в этом цивилизацией забытом уголке. Здание базы раньше было, по моему предположению, интернатом. В моем городке стоял такой же, памятник архитектуры, между прочим. Здесь же зданию никто реставрационных почестей оказывать не собирался. Да и некому было особо. Ближайшая деревенька находилась в километрах пяти на другом берегу небольшой речки. Районный центр, из которого мы приехали на маленьком чихающем автобусе, и того дальше. Впрочем, несмотря на возраст, здание было крепким, а постельное белье – чистым. Достаточно для того, чтобы я посчитала поездку удачной.

Из развлечений нас ожидали баня, рыбалка, грибы и ягоды в ближайшем лесу, свежий воздух и комары. Правда, Пашка, наш главный заводила, обещал еще песни под гитару и шашлыки вокруг костра. Подозреваю, что кое-кто рассчитывал еще и на местную дискотеку, но вот в этом я сильно сомневалась. Достаточно было глянуть на хмурые физиономии местных мачо, которых мы успели встретить на коротком промежутке между вокзалами, до того, как погрузились в автобус, чтобы отбить всякое желание дальнейшего контакта.

Вчерашние посиделки закончились рано, поскольку приехали мы под вечер. Пока расселились по комнатам, пока поели, вечер и закончился. Я начала клевать носом раньше всех и ушла спать, пока остальные еще сидели. Зато с утра встала раньше. Это и был мой тайный план. Еще с вечера я заприметила открытую веранду с восточной стороны, на которой и сидела сейчас в обнимку с большой чашкой кофе, шурясь на утреннее солнце и нюхая воздух, который пах березовыми листьями и клевером. То самое ощущение, которого мне так не хватало в большом городе. Солнце выгоняло остатки сессионного напряжения, обещая самый лучший отдых на свете, трава пахла солнцем и беззаботностью.

– Доброе утро!

Я вздрогнула и чуть не выронила пустую чашку. Увлелась.

Даниэль рассмеялся, – Извини, я не хотел напугать. Хорошо тут, тихо.

– Угу. – я пригрелась на солнце, говорить не хотелось. Даниэль опустился рядом на ступеньку.

– Знаешь, я так давно не был в лесу, даже непривычно, что он здесь, прямо на расстоянии руки. Можно просто взять и пойти в лес... Странно.

Я приоткрыла глаз, – Почему странно? Ты никогда не ходил за грибами? Или за ягодами?

– Нет, как-то не приходилось. А ты?

– Я около леса выросла. Правда, сбор грибов и ягод терпеть не могу. Комары, мухи, паутина, и эти, которые там в них живут.

Дан непонимающе уставился на меня.

– Ну эти, – я махнула рукой, – ну червяки. Бее.

Поскольку Дан все еще выглядел слегка озадаченным, я решила пояснить, что я этих ползающих тварей просто-напросто боюсь до дрожи.

– И как ты в лесу выросла, если боишься? Они же везде.

– Ну вот так, стиснув зубы, героически. – и я показала, как героически я это делала. Дан снова рассмеялся. Видимо, и вправду, здесь хороший воздух. И солнце. Дан смеется чаще, чем обычно в последнее время, с меня спадает напряжение, я прямо чувствую, как это происходит. Даже Макс еще за утро не сказал никому никакой колкости.

– Кстати, а где Макс?

Дан махнул рукой в сторону кухни: – Они там с местным управляющим обсуждают, где купить мясо для шашлыков. Насколько я понял, ближайшее место – деревня за рекой. Если найдут транспорт – поедут, а не найдут – пойдут пешком.

– А, ну да, нам же обещали пир, – протянула я.

– Да, Макс отлично готовит мясо, сама увидишь, – кивнул Дан.

Надо же, Макс и готовит? Я хотела сказать что-нибудь язвительное по этому поводу, пользуясь отсутствием обсуждаемого, поскольку обычно я словесные поединки проигрывала, но стало лень. Воздух виноват, да.

Сидя на крыльце, мы наблюдали деловитые сборы продотряда под командованием Макса и местного управляющего базой, и сторожа по совместительству, крепкого немногословного дядьки лет 50. В сторону деревеньки нужно было идти пешком. Зато на обратный путь дядька обещал раздобыть транспорт, при условии, что добровольцы помогут ему с закупкой остальных важных вещей. Кроме того, обещал отвести к местным за самым лучшим мясом.

В продотряд вошли Пашка и Макс, как самые активные и ответственные. Ответственные, но ленивые остальные остались тюленить на базе. Я вообще планировала прорасти на этом крыльце, но внезапно Дану захотелось погулять, и он потребовал, чтобы я, как выросшая в лесу, составила ему компанию.

Мы дошагали до края леса и пошли вдоль тоненьких пестрых берез. Даниэль сорвал какой-то длинный стебель, и сбивал им пыльцу с травяных метелок. Солнце только-только добралось до верхушек деревьев. До обеда, по моим расчетам, было еще часа четыре. Честно говоря, я бы не расстроилась, если его и без меня приготовили.

– Скажи мне, почему Макс меня не любит?

– Что? – Дан изумленно посмотрел на меня. Я молча пожала плечами.

– Во-первых, мыслительные цепочки в твоём мозгу не могут не удивлять. – начал он иронично. – Во-вторых, почему ты решила, что он тебя не любит?

– И, в-третьих, почему он должен меня любить, – подхватила я.

Дан слегка поморщился, – Не в этом дело. Мне сложно объяснить, но это не с тобой конкретно связано. Просто... Все сложно. Я как-нибудь позже попробую объяснить. Но вообще, он всегда был острым на язык. Ему в детстве часто доставалось за это. Пока он не научился различать, кому и что можно говорить.

– А вы прямо с детства друзья?

– Да, можно так сказать. Его и мои родители работали вместе, наши семьи хорошо знакомы.

Дан сорвал травинку и задумчиво крутил ее в руке. Я затаив дыхание, ждала продолжения. Нечасто Дан рассказывает что-то о себе и о своей семье. Настолько нечасто, что я вообще ничего о них не знаю, кроме того, что кто-то есть.

– В моей семье, как бы это описать, довольно сложные взаимоотношения, детей моего возраста не было. Поэтому, когда появился Макс, и мне разрешили с ним играть, мне показалось, что я открыл дверь в новый мир. Если тебя утешит, – усмехнулся Дан, – мне он тоже говорил гадости поначалу, и подкладывал лягушек в карманы. Зато потом научил стрелять из рогатки. И воровать кексы с кухни.

– Он на тебя плохо влиял!

– Наоборот, это обогатило мой внутренний мир!

– Боюсь представить ваши внутренние миры, – шуточно поежилась я. – Ладно, тебе достались рогатки и кексы, а чем ты отплатил?

– Я уговорил его поступить в университет.

– Он, что, не хотел?

– Хотел, но не в этот.

– А в какой?

– Да неважно уже. Я выставил счет за всех найденных мною лягушек, и у него не осталось шансов.

Дан слегка нахмурился, словно прислушиваясь к чему-то. Я оглянулась, но не увидела ничего странного. На небо, видимо, набежали облака, и листья деревьев, недавно еще ярко-зеленые, слегка потускнели. Лес оказался гуще, чем мне показалось с крылечка. Если сначала я видела только веселые тоненькие березки с вкраплениями осин, то сейчас деревья вокруг вытянулись, потемнели, там и тут начали попадаться длинные ели. Внезапно мне стало неуютно.

– Дан, – я дернула его за рукав, – давай обратно.

– Ага, – как-то слегка растерянно согласился он. – Да, пойдем.

Мы развернулись и зашагали в обратном направлении. Через несколько минут, когда веселые березки так и не появились, я начала беспокоиться. Мы не могли заблудиться в пяти минутах ходьбы от базы, так не бывает. Однако что-то было явно не так. Вместо того, чтобы редеть и светлеть, лес становился все гуще и темнее.

– Похоже, мы не в ту сторону идем, – вслух произнесла я. Когда Дан не отреагировал, я схватила его за руку. Вздвогнув, он остановился и удивленно посмотрел на меня. – Мы не туда идем, – повторила я. – Не понимаю, как так, направление же правильное. Мы шли туда, а теперь обратно.

– Раз мы не вышли туда, куда нужно, значит, неправильно. Идем туда. – и он решительно шагнул назад, в ту сторону, откуда мы пришли.

– Подожди, давай посмотрим, может, можно...

– Я знаю, куда идти, не волнуйся.

Его голос прозвучал настолько уверенно, что я предпочла не спорить, и зашагала следом.

Вот только ни через пять минут, ни через десять лес не кончился. Напротив, по моим ощущениям мы забирались все глубже и глубже в чащу. Дан перестал отвечать на вопросы, повторяя только, что он знает, куда идти. Через пару-тройку повторений этот однообразный ответ стал звучать настолько пугающе, что я тоже замолчала. Один раз я попыталась его остановить, но он просто вырвал руку и пошел дальше. Остаться брошенной в одиночестве в этом странном лесу показалось страшнее, так что я догнала его, вцепилась в рукав и постаралась изо всех сил не отставать. Сделать это оказалось не так-то просто, все-таки Дан меня намного выше, и ноги длиннее. На каждый его шаг приходилось два моих. На каком-то особо неудачном бревне я поскользнулась и не удержавшись полетела вниз, потянув за собой Дана. Повезло, что бревно лежало не над оврагом, и лететь оказалось недалеко. А не повезло в том, что мы упали в какой-то колючий куст, похожий на шиповник и расцарапались до крови. Падение, похоже немного привело Дана в чувство, потому что он не только меня не бросил, но и помог выбраться из куста.

– Дан, мы заблудились, ты понимаешь? – я была готова расплакаться.

Дан только вздохнул в ответ и потянул меня вперед. – Пойдем, – сказал он, когда я не сдвинулась с места. – Рано или поздно мы выйдем к жилью. Здесь не такой уж глухой лес, что-нибудь да найдем. Сидеть в кустах точно не лучшее решение.

С этим я была вынуждена согласиться. Мы пошли дальше по еле видной тропинке, даже не тропинке, а намеку на нее. Я читала где-то про такие тропинки, их, кажется, называли охотничьими. Хорошо бы дойти до какого-нибудь места до темноты. Мои часы разрядились, хотя накануне поездки я ставила их на зарядку, должно было хватить на неделю-две, поэтому сложно было сказать, сколько мы уже бродили по этому клятому лесу. Солнца, чтоб по нему сориентироваться тоже не было видно, то ли из-за туч, то ли из-за деревьев. Только бы не начался дождь, перспектива вымокнуть в дополнение ко всему совсем не радовала.

Сначала мне показалось, что Дан просто оступился. Мало ли, ветка под ногу попала, или прелый лист. Но когда он пошатнулся второй раз и, чтобы не упасть, оперся на мое плечо, я поняла, что дождь был бы не самым плохим развитием событий.

Его внезапно побелевшее лицо резко выделялось на фоне темных деревьев, дышал он странно прерывисто и тяжело. При этом он совершенно перестал реагировать на мои вопросы и торможения. Все, что он мог – это стоять, тяжело навалившись на меня, и переставлять ноги. Если он упадет, я не смогу его вытащить. Я даже не знаю, куда. Паника подобралась опасно близко. Я бы начала кричать и звать на помощь, но вовремя вспомнила про лесных животных. Если кто-то из хищников выйдет к нам, привлеченный шумом... Изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заплакать, я крепче перехватила руки Дана и потащила его по тропинке дальше.

В какой-то момент я перестала понимать, как долго мы идем, и в каком направлении, просто считала шаги – один, еще один, еще, это обязательно закончится, мы придем, а теперь еще один шаг. В наступившей темноте деревья слились в одно большое пятно, и только тропинка перед нами была еще немного видна. Ее мы и держались, я и Дан, механически переставлявший ноги вслед за мной. Руки у него были холодными, а дыхание с тяжелого сменилось на еле слышное. Нам нужно выйти. Нам обязательно нужно выйти. Я не врач, я не знаю, как лечить людей. Я вообще никого лечить не умею.

Внезапно тропинка закончилась. Я стояла на краю небольшой полянки, в центре которой виднелось маленькое строение. Охотничья избушка? Я о таких тоже читала. Если там кто-то есть, они нам сейчас помогут. Облегчение, которое я испытала при виде жилья, придало мне сил, и я рванулась к строению. Но радовалась я рано. Никого там не было, избушка была пустая, и скорее всего давно, как подсказывала трава, разросшаяся вдоль стен. Тем не менее, усадив Дана на землю, я осторожно потянула дверь, и заглянула внутрь. Пусто. Печка, стол, что-то еще, кажется. В сумерках видно не очень хорошо. Вероятно, я слишком устала, а еще я боялась идти по лесу ночью, потому что решение переночевать здесь показалось мне здравым. Я вернулась, чтобы затащить Дана внутрь.

За него я боялась все сильнее и сильнее. И творилось с ним что-то непонятное. Очень быстро, буквально за то время пока я осматривала избушку, из ледяного он стал горячим как печка, на щеках заалели яркие пятна. Когда я потянула его внутрь, он сделал слабую попытку оттолкнуть меня, но сил не хватило. Кое-как я затащила его и уложила на пол. Что же мне с ним делать? Я смертельно устала. Все, что мне хотелось сделать – тоже упасть на пол и не двигаться до утра. Кое-как я заставила себя выйти за дверь, кажется, там было что-то вроде ведра. Если в нем есть вода, то ей можно обтирать тело, чтобы сбить температуру. Это в любом случае будет лучше, чем совсем ничего. Только бы протянуть до утра. А там мы обязательно куда-нибудь дойдем. Или нет, я сделаю костер. Да хоть всю избушку спалю – но нас увидят и найдут.

От внезапно пришедшей в голову идеи я облегченно рассмеялась. Мы оба растерялись и сами начали искать выход, а надо было подождать, пока нас найдут. Точно, костер, и побольше. Уж спички-то в охотничьей избушке точно есть. Я занесла ведро внутрь и закрыла дверь. К счастью, какой-никакой засов на ней имелся, с открытыми дверями в лесу слишком уж неудобно. Хуже только совсем без дверей.

Я стащила с Дана футболку, закатала джинсы и начала обтирать водой. Пусть это будет внезапный грипп, бывает же так, что человек чувствует себя нормально, а потом раз – и ОРВИ. При высокой температуре главное – не дать ей подняться слишком высоко, а там – у Дана организм крепкий, справится. Все остальные варианты я тщательно гнала прочь. Стоит только пустить их в голову, пусть даже самую малость и все, я тоже сорвусь. А мне нельзя, мне надо сбить температуру. Дан лежал молча, и было непонятно, спит он или без сознания.

Так я и сидела, мочила футболку в воде, отжимала, обтирала, и снова – мочила, выжимала, обтирала. Я настолько сосредоточилась на этих действиях, что не сразу обратила внимание на звуки снаружи. А снаружи что-то происходило. Какое-то шуршание вдоль одной стены, потом другой.

Я, чтобы было сразу понятно, жуткая трусиха. Боюсь темноты, высоты, и никогда не смотрю триллеры, и, упаси бог, ужасы. Однажды, по глупости и незнанию я купила билет в

кино на «Призрак оперы». Но вместо романтической истории про любовь я попала на ужастик. Надо запретить давать фильмам одинаковые названия, это было очень жестоко со стороны создателей. Я еле высидела до конца, периодически зажмуриваясь и моля про себя, чтоб время шло побыстрее, чтобы все уже наконец закончилось. Просто встать и уйти тоже было страшно – я должна была знать наверняка, что добро победило зло и жуткого монстра убили навсегда. А потом три ночи не могла спать, потому что этот убитый монстр мне снился. Отпустило меня, когда я ритуально сожгла билет. Хорошо, что не выбросила – пригодился.

Услышав шорохи, я сначала решила не пугаться. Это лес. В лесу водятся всякие животные. В том числе те, которые могут бегать по стенам и царапать дверь. Царапать дверь. И стучать в окно. И по крыше бегать – тоже. Ну, совы, например. Или рыси. Рысь большая, и хорошо лазает. Вот то, что бухнуло сейчас сверху – это просто рысь прыгнула. И когтями царапает стену тоже она. Интересно, как медведи ходят? Вот тот, кто тяжело прошелся вокруг – это же медведь. Медведь, конечно. А рядом с ним ухает филин. Я ни разу не слышала, как филины ухают, но ведь кто в лесу, кроме них, такие звуки издает. Больше никому. В лесу живут животные. А в сверхъестественное я не верю. Фильмы ужасов придумали люди, чтобы нервы себе щекотать. На самом деле этого не существует. Этого не бывает. Это просто нервы, я устала. Это животные. Нечисти не существует. Я сама не заметила, как начала говорить это вслух. Голос дрожал, а в горле пересохло. Я зачерпнула воды из ведра и выпила, забыв про всяких микробов и бактерий. Это просто звери ходят. Они сейчас походят и уйдут.

А потом я услышала самый жуткий звук в своей жизни. За дверью захихикал ребенок. Слова застряли у меня в горле. Я замерла, не в силах пошевелиться. Хихиканье смолкло. Зато раздался стук в дверь. Негромкий такой, ритмичный, тук-тук, тук-тук-тук. Пауза. Снова хихиканье. И снова стук, поближе к окну. Все внутри меня скрутилось в тугой узел, я замерла, стараясь даже не дышать. Тук-тук.

Я не знаю, что бы я сделала, когда бы это заглянуло в окно. Наверное, просто сошла с ума, и все бы закончилось. Но в этот момент Дан дернулся, попытался встать и опрокинул ведро с водой на меня. Холодная вода разрушила то оцепенение, в которое я впала. Я успела подхватить ведро, пока вся вода не выплеснулась, и вцепилась в Дана, который внезапно решил во что бы то ни стало выйти наружу.

Мне повезло, что у него было мало сил, все-таки такая высокая температура так просто не проходит. Я смогла опрокинуть его обратно на пол и навалилась сверху, вцепившись в волосы и заставляя лежать неподвижно.

– Туда нельзя, Дан, ты слышишь, туда нельзя!

Вряд ли он меня слышал, конечно. Время от времени он что-то бормотал, пытался высвободиться, тянулся к двери. Снаружи кто-то сосредоточенно процарапывал крышу и иногда тоненько посвистывал. Несколько раз что-то тяжелое ударялось об стены и дергало дверь. Хихикающая тварь кружила вокруг избушки, тут и там вновь подавая голос и стуча. Каждый раз после ее смешка Дан снова начинал рваться к двери, не доползал и замирал на некоторое время. Я рыдала в голос, цепляясь за него и оттаскивая обратно, кажется, даже пару раз ударила.

Это была самая длинная ночь в моей жизни. Мне казалось, что время застыло, и утро никогда не придет. А мы с Даном так и будем лежать на деревянном полу и слушать, как нечто хочет забраться внутрь.

До третьих петухов. Строчка из песни всплыла откуда-то и уже не исчезла, я повторяла ее как заклинание. Нам надо продержаться до третьих петухов, то есть, до рассвета. Ведь не было же никого в лесу, пока мы шли днем, значит, утром они тоже исчезнут. И тогда мы уйдем.

Я не сразу поверила, что звуки исчезли. В избушке немного посветлело, единственное окно напротив двери вместо черного стало серым. Какое-то время я продолжала напряженно вслушиваться, с ужасом ожидая вновь услышать стук или хихиканье, но было тихо.

Дан снова затих и лежал молча, закрыв глаза. Из плюсов – он был нормальной температуры, из минусов – так и не пришел в себя. Медленно я поднялась, подошла к двери и села, привалившись к стенке. Наверное, это рассвет. Но насколько этот рассвет настоящий? Какие это петухи? Часы так и не работали, поэтому сложно сказать, сколько времени я просидела у двери, прежде чем решила ее открыть. Тишина. И пустота. Никто не накинулся на меня, едва я ступила за порог. Небо было серо-белым, ни намек на солнце, редкие кривые елки торчали тут и там по поляне.

К черту костер. Все, что я хотела – оказаться как можно дальше отсюда. Даже если Дан не сможет идти, я его на себе утащу. Но ни часа больше я здесь не останусь. Я выволокла парня наружу и взвалила на себя. Дай бог, в пути он немного оклемается и снова начнет хотя бы ноги переставлять. Если нет – дальше я думать не стала. Неважно, как, но я отсюда уйду. От воспоминания о хихиканье снова скрутило живот и горло. Нет. Второй ночи я не переживу, я либо умру от страха, либо сойду с ума.

Направление от избушки я выбрала почти наугад. Вроде бы мы пришли с той стороны, куда выходила дверь избушки, поэтому я пошла примерно по той же прямой. Наверное, мне просто повезло, и я угадала, потому что через некоторое время, совсем недолгое, по сравнению с предыдущим днем, я услышала шум машины. Еще несколько минут сквозь кустарник, и мы выползли к насыпи дороги. Ни одному подарку в своей жизни я не радовалась так, как этой дороге. Я опустила Дана на асфальт на обочине, села сама и расплакалась.

Первая машина шарахнулась от нас через всю ширину дороги. Допускаю, что мы выглядели грязными и оборванными, но не настолько же. Зато со вторым повезло. Водителю было совсем не по пути, как он мне рассказал, пока вез нас в ближайшую больницу в тот самый райцентр, но как не помочь.

– Как вы так-то? Места-то здесь не такие, чтоб плутать. Лесок-то небольшой. Хотя вот если чуть подале, там да, мало ходят.

Мужичок попался разговорчивый, из тех, которым и отвечать не надо, лишь бы слушали. И хорошо, потому что на светский разговор сил у меня не было.

– Да и что там ходить, ни грибов, ни ягод. А охоту у нас уж сколько лет как запретили. Нынешний глава-то не жалуется это дело. Вот и запретил. Так если теперь кому надо, в соседний район ездят, там в можно. Я сам-то на охоту не очень, вот грибы – это да. Часто хожу. А чего с пареньком-то? Съел что не то?

– Не знаю, видимо.

Язык поворачивался с трудом, мысли формулировались плохо. В машине было тепло, а кабина давала ощущение безопасности и какого-то привычного техногенного уюта. В мире, где есть железные машины, не может водиться никакой нечисти. С каждой минутой произошедшее казалось все менее и менее реальным. Да, наверное, так все и было – съели чего-то не того. Хотя мы же не ели ничего. А может, забыли просто? Внезапно дверь машины накренилась и ударила меня по голове.

– Приехали. Да ты задремала, что ль? Еще б, по лесу столько плутать. Натерпелись поди.

Мужичок распахнул дверцу и помог мне вылезти из машины. – Вон приемная. Надо врачей-то сюда позвать, как тащить-то его.

Сонное оцепенение отступило. Надо же срочно Дана к врачам. Я кинулась к приемной. Или захотела кинуться, потому что мужичок оказался у двери раньше меня и уже разговаривал с женщиной в белом халате. Видимо, он сказал что-то, что восприняли серьезно, потому что женщина быстро ушла и вернулась с носилками и двумя помощниками. Дана перетащили из машины на носилки и закатали внутрь приемного отделения. Меня же подхватили за руку и усадили рядом. Подошедший врач начал задавать стандартные вопросы. Как зовут, сколько полных лет, где были, что ели и пили. Когда и как все началось. Я начала рассказывать про прогулку, про то, что мы заблудились, хотя не должны были, а лес оказался странным, про то,

как мы упали, а потом Дану стало плохо, про температуру и воду... И вдруг поняла, что не могу рассказать о том, что было в избушке. Не физически не могу, а... Он же мне не поверит. Мне никто не поверит. Но я все-таки попробовала.

– Знаете, в той избушке, где мы ночевали, там творилось что-то странное, шум и шорохи, кто-то стучал в стены, ходил вокруг, хотел пролезть внутрь.

Врач поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

– И кто-то... смеялся. – у меня опять перехватило горло.

– Лена, подойди, пожалуйста, – позвал врач в коридор. – Надо дать успокоительное девушке. Стресс...

Мягкая белая Лена ласково взяла меня за руку и повела куда-то. Не верят. Мне никто не поверит. Сейчас мне дадут успокоительное. Если я повторю рассказ, мне дадут успокоительное еще раз. А потом еще, и посильнее. Где я закончу, в психбольнице? И я замолчала.

Мерзкое негромкое хихиканье прозвучало прямо у меня над ухом. Я попыталась убежать, но не смогла даже пошевелиться. От ужаса я начала задыхаться и... Кто-то дернул меня за плечо, и я с криком села на кровати.

– Не кричи, тебе просто кошмар приснился, – произнес кто-то рядом. В первые минуты я не могла понять, где я. Какая-то непонятная комната, две койки вдоль стены напротив. Мрачный Макс, сидящий на стуле. Картина никак не складывалась, остатки страшного сна мешали сосредоточиться. А потом вспомнила – в больнице. Мы приехали вчера, я сдала Даниэля врачам.

– Дан! – дернулась я на кровати. – Надо узнать, что с ним. Я вчера не успела...

Кое-как я сползла на пол, путаясь в завязках больничного халата. Когда я успела переодеться, где моя одежда? Не помню. Тело было словно деревянное и болело, казалось, все целиком, от макушки до пяток. Пока я оглядывалась в поисках своей одежды, вчерашняя Лена зашла в палату.

– Ты уже встала? Вот и замечательно. Сейчас измерим давление, температуру...

– Подождите, мне надо узнать, как Дан? С ним все в порядке? Вы знаете? – я безуспешно попробовала просочиться мимо Лены в коридор.

– Узнаешь, узнаешь, – медсестра мягко усадила меня обратно на кровать. – Сначала тебя посмотрим. Никуда твой Дан не денется. Вот и умница, – приговаривала она, сдавливая мою руку манжетой аппарата, – вот и все, все хорошо. Сейчас еще люди с тобой побеседуют, а потом можешь идти.

Только сейчас я заметила еще одного человека, зашедшего в комнату вместе с ней. Молоденький полицейский в форме, серьезный, с папкой и с телефоном в руках. А зачем полиция-то? Или Макс подал заявление на розыск?

Он уселся напротив меня, сменив медсестру и раскрыл папку. – Значит, вы Василиса Катина?

Я удивленно кивнула, а потом поняла, что, наверное, Макс успел рассказать, пока я спала.

– Расскажите, пожалуйста, с самого начала, как вы пошли на прогулку, как заблудились, что вообще произошло.

Я вздохнула, и начала рассказывать. Почти все то, что я уже рассказала врачам. Кроме того, что было в избушке. Мне все равно никто не поверит. Полицейский записал что-то в свою папку, сказал пару слов о том, что он рад, что мы благополучно нашли, и попрощавшись вышел. Макс сидел молча на своем стуле. Я тоже молчала, события, о которых пришлось вспомнить, снова крутились в моей голове, не располагая к беседам.

Странный рокот за окном отвлек меня от этого неприятного занятия. Вертолет. Неужели кому-то так плохо, что вызвали вертолет? И тут я подскочила и, как была, босиком, кинулась в коридор. Даниэль же! А если это ему плохо? Я выскочила в холл первого этажа как раз в

тот момент, когда Дана на каталке везли к выходу. Я успела заметить бледное лицо, закрытые глаза. Ни трубочек, ни маски, ни что еще там показывают в сериалах, не было. Наверное, это хорошо. За каталкой торопливо шагали врач, с которым я разговаривала вчера, и еще один мужчина в темной рубашке, которому врач что-то быстро говорил, показывая рукой вперед, на каталку. К ним я и побежала.

– Что с ним? Скажите, что с Даниэлем?

Я налетела на мужчину в темном и вцепилась в рукав, чтобы не упасть. Просто он оказался ко мне ближе, чем врач. Оба резко остановились, глядя на меня. Врач – с раздражением и удивлением, а второй – со странным недоумением. Так бы я посмотрела на таракана, вздумай он забежать ко мне на кофе. По крайней мере, именно тараканом я себя и почувствовала в это мгновение.

– Я прошу прощения, – Макс некстати вынырнул сзади и перехватил мои руки, оттаскивая от них, – Извините.

Прощения он не у меня просил, это точно. – Вася, пошли со мной, не мешай.

Несмотря на мое сопротивление, он утащил меня к диванчику в холле, не давая дойти до дверей. Через окно я видела, как врач и второй тип дошли до вертолета, куда уже загрузили каталку, тип коротко кивнул врачу и залез в вертолет. Дверь захлопнулась, лопасти винта дернулись и начали вращаться.

Макс крепко держал меня, видимо, опасаясь, что сделаю еще что-то противоправное.

– Отпусти уже, не собираюсь я вертолет ловить, – буркнула я, глядя, как машина поднимается и пропадает в молочно-белом небе. – Кто это? И куда его повезли?

– Дану плохо. Его везут домой, в больницу, к... своим врачам.

– Ох, – плечи у меня опустились. – Я все-таки надеялась, что он пришел в себя хотя бы.

– Нет, насколько я понял...

По Максy видно было, что ему эти сутки тоже нелегко дались, он весь как будто стал ниже ростом, лицо осунулось. Я никогда еще его таким не видела. Ноги у меня замерзли, и я вспомнила, что так и стояла босиком на кафеле.

– Я привез твои вещи, – перехватил мой взгляд Макс. – Отдал медсестрам. Наверное, можно забрать уже.

– Угу, – кивнула я, все еще изучая свои пальцы.

– Или, может, ты хочешь вернуться на базу? Можно машину поймать...

– Нет! – меня передернуло от одной мысли об этом. – Я хочу домой.

– Вот и я так же подумал, – меланхолично кивнул он. – Поехали на вокзал, купим билеты.

Из больницы меня выпустили только во второй половине дня, ближе к вечеру, когда оформили и заполнили все бумажки. На руки мне выдали листочек с эпикризом, где значилось среди прочего, что мне рекомендовано наблюдение у психолога. Видимо, врач впечатлился-таки моим рассказом. А, пусть. Вряд ли это попадет в основную медкарту.

Макс молча подхватил мою сумку и пошел вперед по дорожке к выходу. Я помахала вышедшей проводить нас медсестре, и поплелась за ним.

Билеты на поезд нам достались в плацкарте, возле туалета. И плевать. Даже лучше. Там постоянно кто-то ходит, свет горит. Не так страшно будет ночью. При мысли о ночи у меня опять пробежали мурашки по спине. Ничего, это тоже когда-нибудь пройдет. Должно пройти. Правда, на этот раз у меня не было билета, чтобы его сжечь, но я что-нибудь придумаю. В крайнем случае, можно сжечь одежду, в которой я была в лесу. Царапины от куста на щеке и руках немного припухли и побаливали. Может, и правда, какой-нибудь галлюциноген с колючек, мало ли таких в природе.

Макс купил шаурму и по банке пива. Мы уселись в последнем купе, и смотрели, как сначала маленький перрон, а потом и сам пыльный городок убегали назад, сменяясь сначала

огородами и полями, а затем лесом. Вид огромных косматых елок заставил меня поежиться, и я отвернулась.

– Вася, расскажи, что там произошло на самом деле.

Я замерла, не успев сделать глоток. Макс внимательно смотрел на меня и ждал. Я медленно поставила банку на столик.

– Ты все равно не согласишься.

– А ты расскажи.

И тут меня прорвало. Я выложила ему все. Про то, как мы заблудились, не успев отойти и на пять минут от базы, про то, как странно вел себя Дан, про то, как мы свалились в куст, как он вдруг почувствовал себя плохо, и мне пришлось тащить его на себе. И как мы вышли к избушке, и какую ночь мы там провели. Под конец я снова расплакалась, и схватилась за полупустую банку, спрятавшись за ней. Макс выслушал все молча, не перебивая и не уточняя. Вот только лицо у него мрачнело все больше и больше.

– Понимаешь, я... я никогда еще так не боялась. А ведь в этой чертовой избушке мы провели всего одну ночь! Я бы рехнулась, если бы осталась там еще хоть на чуть-чуть!

– Не кричи ты, весь вагон перебудит, – ответил он негромко, – я тебе верю. Просто не понимаю, как так все получилось. Ну, да ладно, главное – вы выбрались...

Он умолк, вспомнив, видимо, что в нормальном состоянии выбрались не все. Я тоже замолчала. Удивительно, мы с Максом никогда особо не ладили, но сейчас именно он оказался единственным человеком, который не только выслушал меня, но и сказал волшебное «я тебе верю». Похоже, мне было очень важно это услышать, понять, что я еще не сошла с ума. Все-таки все эти волшебные приключения хороши в сказках. В обычной жизни от них едет крыша.

– Слушай, а кто это был, там, в холле? Ну, которого я за руку дернула.

– А, этот, – Макс кашлянул и взглянул на меня с непонятным выражением, то ли восхищаясь, то ли осуждая, – это... начальник службы безопасности... э-э-э... одной очень крупной организации.

– Организации? Начальник? А Дан тут при чем?

– Ну, он отвечает в том числе за безопасность членов семьи Дана.

– Ясно, – протянула я, хотя ничего ясно не было. – А у Дана большая семья?

– О да, очень большая. Иногда даже слишком. – Макс усмехнулся какому-то своему воспоминанию. Лягушек, наверное, вспомнил, которых в карман к Дану прятал.

Говорить больше не хотелось, стук колес убаюкивал, я все еще чувствовала себя вымотанной и слабой. Было страшно снова увидеть кошмар во сне, поэтому я до упора считала мелькающие мимо фонари и не заметила, как все же заснула.

4. Каникулы. Продолжение

Я не планировала возвращаться домой в это лето. Сначала база, где мы собирались как следует отдохнуть после сессии, потом я планировала подработать немного. Договорилась устроиться официанткой в кафешку неподалеку от универа. Хорошая бумага для рисования стоила недешево, а расходовалась быстро. А если еще брать курсы. В общем, мне были нужны деньги. Просить у родителей было неудобно – кроме меня, у них еще двое детей. А зарплаты в нашем городке не очень большие.

Договориться с общежитием тоже оказалось просто. Комендант весьма благосклонно относилась к подрабатывающим студентам, поэтому летом никого принудительно не выселяли. Моя соседка уехала домой сразу после экзаменов, вся комната осталась в моем распоряжении. Только вот не пригодилось.

Две ночи после приезда с базы я провела в компании разговорчивой вахтерши под телевизор и чай, а потом попросилась на работе в ночную смену. Спать днем оказалось легче. Я уставала и отрубалась, едва коснувшись подушки. Если вымотаться как следует, то несколько часов сна у меня есть. А даже если кошмар, то просыпаться от него, когда светит солнце, намного приятнее, чем ночью. Если вообще слово «приятно» можно отнести к тому, что со мной происходило.

Наверное, стоило бы обратиться к врачу, но я расшифровала выписку из больницы: «F23.2 под вопросом, рекомендуется обследование и наблюдение». F23.2 – шизофреническая реакция. И пусть «психоз обычно длится несколько дней или недель и бесследно проходит», но я не была готова к подтверждению диагноза. Спасибо, я пока как-нибудь так. Только вот через пару недель я уже начинала сомневаться. Может быть, сдать врачам – и не такая уж плохая идея.

Одно дело – кошмарные сны. Это, конечно, неприятно. Но там можно проснуться и понять, что все это неправда. А мой кошмар не заканчивался, когда я просыпалась. Шорохи, какие-то шаги, шуршание по углам. И постоянное ощущение, что на меня кто-то смотрит из пустого угла... Я уговаривала себя, что это просто стрессовая реакция, и все пройдет, как только... Ну, например, со временем.

В описании шизофрении, которое я изучила вдоль и поперек, значилось, что отрицание болезни – тоже один из симптомов. Но ведь Макс мне поверил. Или, может, просто не стал спорить? Да нет, мне показалось, он был вполне искренним. Как бы то ни было, обсудить с ним я ничего не могла, на связь он не выходил. Номер Дана тоже был недоступен.

Поэтому, когда раздался звонок с незнакомого номера и некто, представившийся Рейном Сайондзи, сообщил, что желает со мной поговорить о том, что случилось в лесу, я испытала двойственные чувства. С одной стороны, кто он и что ему можно рассказывать? С другой стороны, если это кто-то, связанный с семьей Дана, я смогу узнать, как он, и спросить, где Макс.

Сегодняшняя смена была дневной, пришлось отпрашиваться. Человек в телефоне сказал, что заедет в двенадцать. Я даже не успела ни назвать адрес, ни сказать, что время не самое удобное. Естественно, ровно к двенадцати я освободиться не успела, и еще только снимала фартук, когда он зашел в кафе. Я его узнала. И дело было не только во внешности. Я узнала взгляд, и это высокомерно-равнодушное выражение лица. Это он увез Дана на вертолете. Сейчас он смотрел на меня точно так же.

Внезапно руки задрожали, а сердце бухнуло в груди. В раздевалке я не с первого раз зацепила крючком вешалки перекладину шкафа, вытянула ветровку с рюкзаком, и вышла наружу. Он молча стоял и ждал, когда я подойду, а потом открыл дверь и жестом пригласил меня на улицу.

Ну да, разговаривать в фастфуд кафе ниже его достоинства. Я отчего-то никак не могла унять противную мелкую дрожь. С чего бы вдруг, ничего же страшного не произойдет. Ну, спросит о чем-нибудь, ну, расскажу. Не убьет же он меня, правда. Наверное, недосып сказывается, и все эти галлюцинации – я в эти две недели от каждого звука шарахаюсь. Мы сели за стол в кафе через дорогу, и тип заказал чай. Горячий чай был весьма кстати. Я обхватила кружку руками, согревая пальцы. А ведь лето. Но я постоянно мерзну. Недосып, это он виноват.

Тип не спешил начинать разговор, сидел и молча изучал меня. Ну, пусть хоть засмотрится. Я сделала глоток. И еще один. Горячий чай помог, я немного расслабилась. Стол стоял в тени, но мне показалось, что солнце светит прямо сквозь тент. Иначе с чего бы вдруг мне стало тепло. Не сразу я поняла, что причина была в том, что исчезло ощущение взгляда в спину, без которого не проходил ни один из последних дней. Облегчение было почти физическим, как будто я скинула с плеч тяжелый рюкзак.

– Меня зовут Рейн Сайондзи, – произнес тип, наконец.

Вместе с ощущением тепла немного вернулась способность соображать. «Сайондзи» – это что-то азиатское. Как и он. Правда, не ярко выраженный. От восточных предков ему достались скулы и глаза. И цвет волос.

– Я занимаюсь расследованием случая, произошедшего с Даниэлем Альтаном. Пожалуйста, расскажите, что случилось.

Расследование? Что там расследовать? Волшебство пропало. Нет, противные ощущения последних дней не вернулись. Но мне категорически не хотелось вспоминать. Тем не менее я послушно пересказала краткую версию событий, без упоминания потустороннего. Он слушал, слегка склонив голову, не перебивая и не уточняя. А когда я замолчала, кивнул и вежливо произнес, – А теперь, пожалуйста, еще раз, со всеми подробностями.

Я удивленно уставилась на него.

– Максим передал мне ваш разговор, но я хотел бы услышать все от вас непосредственно.

В первое мгновение я растерялась, потом возмутилась (Макс предатель!), а потом – а потом я подумала, вдруг это мой шанс понять, что я не схожу с ума. Если Макс поверил, если он рассказал еще кому-то, а этот кто-то решил поговорить со мной... Может быть, это все потому, что все случилось на самом деле? А совсем не продукт больного сознания.

Я начала снова. На этот раз он задавал вопросы по ходу рассказа, уточнял детали, заставляя вспоминать то, что вспоминать очень не хотелось. В какой-то момент я обнаружила, что руки у меня дрожат так, что пришлось поставить чашку на стол, чтобы не уронить ее. Все это время на его лице я не заметила ни тени удивления или недоверия. Даже упоминание звуков вокруг избушки его не смутило, он всего лишь попросил описать, на что они были похожи. Я закончила на моменте, когда я передала Дана врачам. Под конец рассказа я вымоталась совершенно, хотя не так уж долго и говорила. Но остался еще один момент, который я обязана была прояснить.

– Мне написали, что у меня шизофрения... – наконец решилась я. Он удивленно приподнял бровь и отрицательно качнул головой. Я медленно выдохнула и уткнулась лицом в ладони. В этот момент мне совсем не пришла в голову мысль, что же тогда это было, если не бред. Я была счастлива, что не схожу с ума.

– Спа... – я подняла голову, чтобы поблагодарить, но запнулась на полуслове. То, как он на меня смотрел, мне не понравилось.

– Вам нужно вернуться туда.

– Нет! – я дернулась назад, толкнув стол так, что звякнули чашки. – Я не поеду! Я не могу!

Он все так же невозмутимо откинулся на спинку стула, рассматривая меня. Я беспомощно оглянулась по сторонам. Столики в кафе были заняты, но никто не обращал на нас внимание. Абсолютно никто. Странно. А если закричать? Получится ли у меня убежать? Я снова взглянула на мужчину напротив, и подумала, что скорее всего, нет. Он наблюдал за мной

с холодным любопытством. Наверное, все мои мысли видно. Мне и раньше говорили, что у меня "живая мимика". Я схватила чашку со стола, но она оказалась пустой.

– Я закажу еще чая, – произнес он, жестом подзывая официантку. Я неподвижно сидела на своем стуле, не понимая, как мне быть. Наверное, можно было вцепиться в официантку, попросить помощи, сделать еще что-то. Но его абсолютная уверенность в сочетании с равнодушием к окружающим подавляли и сбивали с толку. Поэтому я просто сидела и смотрела, как он наливает мне чай. Что там говорил Макс – служба безопасности? Начальник? Семья Дана – наркобароны?

Словно прочитав мои мысли, он произнес, – Даниэль в больнице уже две недели. И состояние его ухудшается.

Я растерянно уставилась на него. Это было гораздо хуже предложения поехать вambuшку. Я даже мысли не допускала, что Дан может не поправиться. Не думала об этом.

– Врачи не могут определить, что именно послужило причиной болезни. Это можно сделать только на месте, где все произошло. Если будет ясна причина, появится шанс на выздоровление. И мне нужно туда попасть.

Я кивнула, не совсем понимая, куда он клонит.

– Если я верно понял, просто так это место не найти. Вы будете проводником.

– Но я... я не помню, как туда идти.

– Это неважно. Главное, что вы там были. Я смогу это сделать сам, – он едва заметно нахмурился, – но проблема в том, что на это уйдет какое-то время. И вот этого времени у Даниэля нет.

Вот, значит, как. Сердце стучало так громко, что заглушило все остальные звуки. В горле пересохло. Он произнес что-то еще, но я не услышала.

– Поехали. – я вцепилась в край стола не то собираясь встать, не то спрятаться за ним.

Он остановился на полуслове, посмотрел на меня, затем кивнул и поднялся.

– Хорошо. Пойдемте.

– Мне надо взять вещи...

– Нет необходимости.

Чувствуя себя бандерлогом, я поднялась и отправилась вслед за Каа.

Машина была припаркована у самого тротуара. Он открыл для меня дверь, подождал, пока я заберусь внутрь, и опустился на сиденье с другой стороны. Машина мягко тронулась с места. Второй человек за рулем явно знал, куда ехать, потому что с момента посадки они не обменялись ни словом. Подумалось, что, вне зависимости от моего ответа, я бы поехала сегодня на базу. "Хоть тушкой, хоть чучелом". В обычное время меня бы это разозлило. Но сейчас мысли были заняты другим.

Поезд едет восемь часов. Сколько времени понадобится автомобилю? Я уставилась в спинку переднего сиденья. Идущие на смерть приветствуют тебя. Интересно, смогла бы я быть гладиатором? Вряд ли. Я трусиха. И драться не умею. У нас как-то считалось, что девочки не дерутся. Зря, конечно. Машину плавно покачивало на поворотах, шуршали шины. Обычно я люблю ездить. Но вот повод и компанию предпочла бы другие. Особенно повод.

Я так усиленно убеждала себя, что у Дана просто тяжелая простуда, что и сама поверила. Как так не могут определить? Лучшие врачи за много денег? В том, что за много денег, у меня сомнений не было. Был вокруг Дана неуловимый налет не то, чтобы даже богатства, а скорее аристократизма, когда много денег и власти есть не только у тебя и твоего отца, а еще у твоих прадедов с незапамятных времен. И вот теперь внезапно я – последний шанс? Неправдоподобно. Но, если даже хоть на один процент это все правда, я должна это сделать.

Тип, как только мы тронулись, словно напрочь забыл обо мне, и молчал, погрузившись в свои мысли. Мне не хотелось лишний раз поворачиваться в его сторону. Я пыталась смотреть

в окно, но не могла сосредоточиться. Мысли все возвращались и возвращались к проклятой поляне. Это ради Дана, напоминала я себе. Но легче не становилось. Идущие на смерть приветствуют тебя. Привязалось же. А потом скрутило живот. Я пыталась расслабиться, дышать глубоко, но легче не становилось. Я начала выглядывать пролетающие мимо дорожные знаки, молясь, чтобы показалась автозаправка. Наконец мне повезло.

– Пожалуйста, остановитесь. – голос куда-то пропал.

Тип обернулся удивленно, словно только что обнаружил в машине кого-то еще кроме себя.

– Мне надо выйти, – выдавила я. – Пожалуйста.

Автозаправка приближалась слишком уж быстро.

– Сайто, – обратился тип к водителю. Тот, мягко притормозив, свернул к указателю на отворот. Вовремя. На подгибающихся ногах я вошла внутрь магазинчика и нашла дверь туалета. Меня мутило. Живот болезненно сжимался. Укачало? Отравилась? Совершенно некстати. Какое-то время я просидела в туалете, пытаюсь прийти в себя. Мутить немного перестало, зато опять вернулась дрожь. Я включила воду и сунула руки под струю воды. В какой-то книге было написано, что это успокаивает. Я держала руки под краном, пока они не заледенели, затем умылась. Надо идти обратно. Наверное, думают, что я сбежала. Смылась в унитаз. Руки все еще дрожали, когда я повернула ручку, чтобы открыть дверь. Наверное, врут про "успокаивает". На ватных ногах я направилась обратно к машине.

Он стоял снаружи у машины, засунув руки в карманы брюк и смотрел, как я иду. Опять. Да сколько можно меня изучать. Я вздернула подбородок. Правда, вряд ли получилось гордо, потому что меня ощутимо потряхивало, и я не могла с этим справиться. Я подошла к двери, ожидая, что он ее откроет, или хотя бы отойдет, чтобы я могла сесть, но он не спешил.

– Все будет в порядке.

Я изумленно вскинула голову.

– Все будет хорошо, – мягко повторил он. – Я буду рядом и не позволю причинить вам вред.

Услышанное настолько не вязалось с тем впечатлением, которое он успел произвести, что я продолжала стоять, ошеломленно уставившись на него. Он открыл мне дверь автомобиля и жестом указал внутрь.

– Каким образом?

– Что каким образом?

– Каким образом вы не позволите причинить мне вред? – его слова сломали во мне какие-то тормоза.

– Я умею. – холодно-равнодушно.

– А что именно вы умеете? Вы же следователь. Или врач? Или вы супергерой?

Теперь он смотрел на меня со смесью удивления и чего-то еще. Как на говорящего попугая, которого вообще-то никто не учил говорить. Но мне внезапно стало плевать.

– Так что? Или вы не определились? К какой профессии вы более склонны?

Я как будто разделалась: одна часть меня несла чушь, вторая ужасалась, но не в силах была это прекратить.

– Стоп.

Резко прозвучавший голос оборвал поток моих слов. В руке у меня оказалась бутылка с водой.

– Пейте.

Я послушно сделала глоток. Потом второй, постепенно приходя в себя. Щекам стало жарко. – Простите, я...

– Ничего. – он отвернулся. Остаток пути мы проделали молча.

База показалась мне еще более заброшенной, чем раньше. На двери висел большой черный замок. Скорее всего, после нас тут больше не было посетителей. Кстати, а остальные ребята, они остались, или уехали? Я не спросила у Макса, забыла. После истерики в машине навалилась апатия, мысли исчезли, звуки и краски приглушились. Или это вечер наступил уже? Я, наверное, превысила свою дозу страха на сегодня, потому что о походе к избушке думала со странным равнодушием.

– Вон та опушка, откуда мы пошли в лес... – я направилась к березкам, но тип придержал меня за плечо.

– Подождите. Откуда вы начали прогулку?

– С крыльца. Вот с этого.

– Хорошо. Сядьте пока там.

Он подтолкнул меня к ступенькам, а сам... Не знаю, что я ожидала увидеть. Он просто стоял и осматривался. Очень внимательно. Я села и прислонилась к перилам. Солнечный день и кофе сейчас казались совершенно не реальными. Словно это была сцена из кино. Большая кружка, теплый ветерок, улыбка Дана.

– Послушайте, – голос типа раздался над моей головой, я вздрогнула. Как же его зовут? Он присел так, что его лицо оказалось на одном уровне со моим. – Мы сейчас пойдём в лес. Делайте только то, что я скажу. Ничего больше. Ничего не трогайте, никуда не уходите. Понятно?

Я кивнула. В горле опять пересохло, и противно заныло в груди.

Он подал мне руку, поднимая на ноги. Продолжая сжимать мою ладонь, сделал несколько шагов к березкам. Остановился. Вытянул свободную руку, словно пытаюсь нащупать что-то невесомое, затем притянул меня к себе и замер. Под словами «пойдем в лес» я понимала что-то другое, но продолжала покорно стоять. Потом спрошу.

Рейн замер, пытаюсь нащупать край ловчей сети. В магическом зрении лес дрожал и расплывался. Все-таки пространственный карман, с обычным отводом глаз такого не бывает. След на девушке стал отчетливее и сильнее. Нужно искать такой же отклик. Есть! Пальцы знакомо кольнуло, и он сжал невидимую нить в руке.

Внезапно он резко шагнул вперед и потянул меня за собой по одному ему видимой тропинке. Я перепрыгивала через кочки и ветки, стараясь удержаться рядом с ним и не упасть. С таким темпом я выдохнусь через десять минут и никуда не дойду. И тогда он схватит меня за волосы, взвалит на плечо и пойдет дальше. Нет, не на плечо, волоком потащит. От возникшей картинке я нервно хихикнула. Заранее сжавшись, я приготовилась снова увидеть мрачные деревья, под которыми мы будем идти несколько часов. И не сразу поняла, почему мы остановились. А когда поняла, задохнулась от изумления. Мы стояли на краю полянки с избушкой.

Я посмотрела на него, пытаюсь что-то сказать – и передумала.

Он изменился. Черты лица словно заострились, глаза странно блеснули.

– Стой здесь, – не глядя на меня. И плавным кошачьим шагом скользнул вдоль поляны. Я замороженно смотрела, как он двигается. Время от времени он опускался, касаясь ладонями земли, замирая на несколько минут, и продолжая обход.

Вокруг стояла тишина. Странно, что не слышно было даже птиц, обычно одна-две в лесу да есть. Впрочем, если животные вправду умеют чувствовать потустороннее, то понятно, почему им тут не нравилось. Мне тоже тут не нравилось. Но я стояла там, где меня оставили, не сдвигаясь ни на сантиметр. Мало ли историй в сказках, когда ослушавшимся героям доставалось по первое число. На мою долю уже достаточно чудес отвесили, хватит.

Солнце зашло за деревья уже некоторое время назад, поляна и лес вокруг быстро серели. Тишина вокруг нервировала. Хотя казалось бы – радуйся, что никто не шуршит и не свистит.

Но в этой тишине было что-то неестественное, как будто все застыло только для виду, а стоит шевельнуться и на тебя тут же бросятся со всех сторон.

К моменту, когда он закончил свой обход по периметру и вернулся ко мне, у меня затекли ноги от неподвижного стояния. Было бы здорово, если сейчас уже можно было домой. Он повернулся и посмотрел на меня. Точнее сквозь меня. Потом протянул руку, собрал из ничего шарик светящегося тумана и повесил на уровне моей головы. Шарик медленно растаял, а я все продолжала смотреть на то место, где он был...

– Идем.

Я вздрогнула, приходя в себя. И безропотно позволила завести себя в избушку. Грязная тряпка, некогда бывшая футболкой Дана, все еще валялась на полу, правда, подсохла за это время. Эта мелочь внезапно напомнила мне, что все произошедшее было на самом деле. И волна паники снова скрутила внутренности. Инстинктивно я дернулась назад и ударилась об стоящего сзади... А кто он? Мысль не успела оформиться. Он мягко, но очень крепко взял меня за плечи и усадил на пол.

– Сиди здесь. Не двигайся. Не мешай.

Да я и не собиралась. Я хотела домой. И чтобы все закончилось. В детстве, читая книги, я мечтала о волшебных приключениях. Чтобы злодеи, герои, с кем-нибудь сражаться, кого-нибудь спасти. На стороне добра, разумеется. В книгах, которые я любила, добро всегда побеждало. Вот только реальность пока очень сильно отличалась от книг. В первую очередь тем, что до сих пор любое проявление странного (хорошо, пусть называется волшебным) вгоняло меня в ступор. Правда, справедливости ради, пока ничего хорошего со мной еще не случилось. Может быть, потом мне наколдуют пятьсот эскимо? Плечи затряслись от нервного смеха. Я зажала рот рукой, чтобы не дай бог, никакие звуки не помешали человеку, сидевшему рядом. Он опять что-то делал, проводя ладонями по полу, но я не хотела на это смотреть. Я зажмурилась и стала ждать. В прошлый раз все закончилось. В этот – тоже должно закончиться. Скорей бы.

Пол скрипнул. А затем под избушкой что-то треснуло и развалилось. В прошлый раз этого не было! Пол вообще был единственным надежным местом. Я испуганно распахнула глаза, чтобы увидеть досадливую гримасу на его лице, подсвеченном голубым. По полу о него дорожками разбежались цепочки нежно светящихся знаков. Основание избушки хрустнуло еще раз. А затем в дверь постучали. Я так надеялась, что я этого больше никогда не услышу! А он хищно оскалился, встал одним плавным движением и вышел наружу.

Похоже, там, снаружи кого-то убивали. И этот кто-то был против. Очень сильно против. Потому что он выл и верещал. Несколько раз что-то ударялось в стены и крышу с такой силой, что мне казалось, что домик вот-вот развалится. И периодически что-то ломалось внизу, под полом. Часы встали опять, и я снова не понимала, сколько времени прошло на самом деле. Мне казалось, что много, что я очень долго сидела, сжавшись на полу в окружении едва видных голубых узоров, не понимая, вернется ли еще мой спутник или нет.

Видимо, в какой-то момент я уснула, потому что, открыв глаза, обнаружила себя лежащей на полу. Тело затекло и онемело, на руке отпечатались доски пола. Внутри было светло. От окна, и от распахнутой настежь двери. Это он ее открыл? Уже можно двигаться? Снаружи было тихо. Наконец я подкралась к двери и остановилась, не решаясь выглянуть наружу.

– Уже можно, выходи.

Я не могла и представить, что настолько рада буду слышать его голос. Он сидел, привалившись к стене, прикрыв глаза. Бледное лицо осунулось, под глазами залегли тени, спутанные длинные волосы почему-то присыпаны землей.

– А-а... все... в порядке?

– В полном, – оскорбленно сверкнул он желтыми глазами. На лицо стремительно возвращалось обычное высокомерное выражение. Он поднялся, опираясь на стену. Слегка пошатываясь, сделал пару шагов, и махнул рукой, подзывая к себе, – Пора домой.

Мы вышли к машине так же быстро, как и пришли. Потом спрошу, почему же мы с Даном шли несколько часов. Водитель предупредительно открыл ему дверь, и он рухнул на сиденье.

– Все в порядке, Сайто, я просто устал.

Не открывая глаз, он взял протянутую ему кружку и выпил содержимое. Так и сидел всю дорогу, откинувшись назад, не произнося ни звука. Я смотрела в окно, даже не пытаюсь привести в порядок мысли в голове. Потом. Если, как он сказал, все в порядке, значит, Дан выздоровеет. И потом я все узнаю.

Машина остановилась у знакомого подъезда, и я не сразу сообразила, что это мое общежитие. Откуда они узнали? Или опять Макс сказал? Ну и прекрасно, не придется добираться на метро. Почему-то мне казалось, что меня отвезут туда, откуда забрали, то есть к кафе. Я повернулась, чтобы попрощаться и обнаружила, что он рассматривает меня в упор. Глаза снова были темного цвета, как и раньше. Наверное, показалось там, в лесу.

– Спасибо. Я... – ох, я же забыла спросить про себя-то, можно ли избавить меня от... – Те звуки, о которых я рассказывала, они... я их все еще слышать буду? Можно их убрать?

– Да. Я позвоню позже.

Я, снова чувствуя себя тараканом, вылезла из машины. Что ж, хотя бы он не отказал сразу, это уже хорошо. А ведь вполне мог. Я сделала все, что ему было от меня требовалось, и можно больше со мной не церемониться. Думать об этом было очень неприятно.

Разбудила меня Машка, соседка по комнате.

– У тебя телефон там разрывается.

Спросонья я никак не могла понять, что мне надо сделать.

– Трубку возьми.

И кинула мне мой рюкзак. Телефон? А если это?... Я схватила аппарат только чтобы увидеть надпись «пропущенный вызов». Звонили с работы. Значит, не Дан. И не... Как же его имя? Я мучительно напрягала память, но так и не смогла вспомнить. Что-то восточное. Что-то... Вот же дуреха! Я хлопнула по телефону пальцами. У меня же есть запись разговоров, сейчас найду. «Рейн Сайондзи». От низкого спокойного голоса мурашки пробежали по спине.

– Вась, а кто тебя подвозил с утра?

– Куда подвозил?

– Вася, ты болеешь? Сюда, в общагу, утром?

– А, ты про это. Так, знакомый Дана.

– Клевая тачка.

Машка выжидающе уставилась на меня, видимо, ожидая продолжения. Я лишь пожала плечами. Не помнила я, что там за тачка была. Просторная, это да, а вот все остальное – не помню.

– Маша, а ты что здесь делаешь? – сообразила наконец я.

– Спасая тебя от одиночества, разумеется, – фыркнула она в ответ. – Ты на смену сегодня? Или, может, погуляем?

На смену я не хотела. Я хотела спать. Я только что поняла, что мне не снились кошмары. Телефон опять зазвонил, и я обреченно взяла трубку. Все-таки на работу.

Кошмары вернулись. Через день после моего приезда все началось снова. А Рейн Сайондзи не звонил. Не было новостей и от Дана с Максом. Я уговаривала себя, что в больницах телефоны не выдают, а Макс отрывается напоследок перед учебным годом, но все равно было тревожно. Машка на следующий день после приезда снова исчезла, и появлялась днем на пару

часов, цветущая и счастливая. А я слушала свои шорохи и держала телефон на виду, чтобы не пропустить звонка. Это тоже закончится. Он же сказал, что позвонит.

5. Ритуал

Пешки – душа шахмат, только они создают атаку и защиту, от их хорошего или плохого расположения целиком зависит победа или поражение в партии. Франсуа-Андре Даникан Филидор

Пешка – самая слабая шахматная фигура и основная единица измерения шахматного материала: в пешечном эквиваленте измеряют «вес» фигур.

В эндшпиле роль пешек значительно возрастает, особенно далеко продвинутых (близких к полю превращения).

Превращение пешки – одно из правил шахматной игры: замена пешки, достигшей последней горизонтали, любой (кроме короля) фигурой того же цвета.

В практической игре, в подавляющем большинстве случаев игрок выбирает превращение пешки в самую сильную фигуру – ферзя. (Википедия)

В шахматах пешка не ходит назад, это нарушение правил. (Chess-boom)

– Что это было?

– Скорлупка цикады. По тому, как скривилось ее лицо, он понял – она знает, что это такое. Впрочем, неудивительно, с ее опытом.

– Откуда она взялась, да еще в таком месте?

– Я поднял старые книги. В одной из хроник сказано, что примерно в той области скрывался один из отступников. Уже в период изгнания, после официального окончания войны. Сделана она была не очень качественно, создатель либо спешил, либо был не очень опытен. Со временем накопитель вышел из строя, выпускаемая им сила привлекла нечисть, которая обустроилась вокруг. Центральный барьер, к счастью, оказался неповрежденным, что и позволило Даниэлю и девушке выжить.

Ее губы поджались, взгляд похолодел. Упоминание о девушке ей не понравилось.

– Впрочем, не так важно, кто ее сделал, как – кто ее активировал.

Леди Альтан удивленно подняла бровь.

– Она была законсервирована, – продолжил доклад Рейн. – Возможно, хозяин планировал вернуться, но не успел. Не суть. Тот, кто нашел ее недавно, снял ограничители.

– В таком случае должны были бы быть жертвы и среди местных. Были такие случаи?

– Она была настроена на магов. На всякий случай я отправил человека проверить архивы местного отделения полиции, но, скорее всего, он не обнаружит фактов массовой пропажи людей.

Леди задумалась. – Что сейчас с этой ловушкой?

– Я поставил барьер. На какое-то время этого достаточно.

– Ее нужно уничтожить. Я не хочу, чтобы эта дрянь всплыла. Старые знания – не всегда польза. Некоторые вещи нельзя... возвращать. И этот неизвестный маг...

Рейн кивнул. – Я планирую туда вернуться сегодня или завтра.

Леди помолчала, задумчиво постукивая пальцами по ручке кресла. – В клинике ты уже был?

– Да, еще до визита к вам. Я передал всю информацию целителям, теперь проблем с лечением Даниэля не должно возникнуть.

– Что ж, тогда все. Она поднялась, отпуская его.

– Есть еще один момент, – начал Рейн, – девушке требуется помощь. След, оставленный...

– Нет, – резко перебила она, ее тон стал ледяным. – Я не собираюсь тратить ресурсы на... посторонних. Наша клиника перегружена. У целителей есть более серьезные вещи, которыми нужно заниматься. След – это не смертельно. – она махнула рукой. – Возможно, это научит ее держаться подальше.

– Она спасла Даниэлю жизнь. – голос Рейна был ровным.

– Случайно, не правда ли? И только потому, что сама оказалась в той же ситуации. Нет. И я больше не желаю слышать об этом.

Рейн молча поклонился и вышел.

Телефон лежал на подушке. Черный, блестящий, холодный. И молчаливый. Надо купить чехол, с каким-нибудь дурацким рисунком поярче. Я сидела, закутавшись в одеяло и смотрела в окно. Книга про волшебников, одна из тех, что я набрала в библиотеке, валялась рядом, раскрытая где-то посередине. Маша устроилась за столом и разбиралась в учебном плане на предстоящий семестр.

– Вася, ты собираешься предметы выбирать? Сказки – это интересно, но у нас все же не Хогвартс.

Я машинально кивнула.

– Может, тебе к врачу? – она выглянула из-за ноутбука и рассматривала меня.

– Да нет, просто...

– Ты фигово выглядишь.

– Мне кошмары снятся.

– Вот я и говорю, иди к врачу.

– Угу.

Я устала. Если мне повезет и адаптивные возможности моей психики позволят – я привыкну к посторонним (и потусторонним) звукам вокруг себя. Подумаешь, кто-то ходит, кто-то шуршит, кто-то по стенкам коготками... В книгах вот пишут, некоторые люди призраков видят. Тоже, наверное, не очень приятно. Кстати, будет забавно, если и ко мне призраки однажды придут. Опять же, поговорим.

С момента, когда Рейн Сайондзи сказал, что позвонит, прошло больше двух недель. В руководствах по пикапу рекомендуют звонить на третий день, мол, именно на третий день приходится пик ожидания, и вам будут больше всего рады. Видимо, он эти руководства не читал. По-хорошему, надо взять ноутбук и заняться тем же, что и Маша. Но мысли были вязкими, шевелиться не хотелось.

О том, что мы с Даном заблудились в лесу, ей рассказали откуда-то со стороны. Понятно, нас там десять человек было, было бы странно ожидать, что никто не узнает. Я с ней поделилась краткой версией произошедшего. Про сверхъестественное – не рискнула. Да и понимала пока слишком мало, чтобы с кем-то это обсуждать...

– А семья Дана не собирается оплатить тебе лечение?

– В смысле?

– В прямом. Ты вообще-то его спасла.

Я пожала плечами. – Маша, ты же не предполагаешь, что я пойду к ним и буду просить денег.

– Почему ты? Могли бы и сами предложить. Они уж точно могут себе позволить.

– Откуда ты знаешь? Ты с ними знакома?

– Да и знакомой быть не надо. Достаточно на него посмотреть.

Я вздохнула. – Он до сих пор не писал, видимо, все еще в больнице.

– Вот и тебе туда надо. За их счет.

Я не ответила. Спорить с ней, если она уже составила свое мнение, бесполезно.

Звонок телефона, несмотря на то что я его так ждала, все равно заставил меня вздрогнуть. От имени, высветившегося на экране, пробежали мурашки. Я глубоко вдохнула, как перед прыжком в воду, и ответила, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Маша молча смотрела на мои сборы округлившимися глазами. Я с третьей попытки застегнула молнию на куртке и оглянулась в поисках ботинок.

– Вася, это кто? – наконец произнесла она. Я уставилась на нее, не сразу сообразив, о чем она.

– А, это... Это... – если повезет, то это – врач. – Да, врач.

Он не изменил своему стилю. Уточнил, где я и сообщил, что будет ждать у входа через десять минут. А я даже не умывалась еще. Я сбежала по лестнице и остановилась у двери, пытаюсь выровнять дыхание.

Машину я увидела сразу, но не была уверена, что это та, что мне нужна. Кажется, черная. Но он сам вышел. Слегка поклонился, приветствуя, подождал пока я подойду, и открыл дверь, приглашая сесть. Водителя не было.

– Я прошу прощения за то, что поторопил вас. У меня не очень много времени.

В прошлые наши две встречи он не извинялся. Я вообще не была уверена, что он воспринимал меня, как полноценного человека. Я настороженно посмотрела на него.

– Я полагаю, я должен вам многое объяснить. Разговор может получиться долгим. Вы не будете возражать, если я выберу место, где он будет проходить?

У меня не нашлось слов, я лишь молча помотала головой. Машина мягко прошуршала шинами, выезжая со двора.

Целитель, молодой и серьезный, был явно недоволен. Но возражать не стал. Рейн прошел по коридору и толкнул дверь палаты. Даниэль был все еще бледный, осунувшийся, но глаза уже вернули цвет, перестали быть пугающе стеклянными.

– Добрый день!

Увидев Рейна, он расплылся в улыбке. – Привет!

– Я рад видеть тебя в... гораздо лучшем состоянии, нежели раньше.

Он рассмеялся. – Да, я тоже ужасно рад. Еще бы меня поскорее выпустили.

– Вот научишься снова есть и ходить, тогда и выйдешь.

Даниэль махнул рукой и спросил, мгновенно серьезным. – Что это было? То, во что я вляпался? Ты ведь знаешь?

– Знаю. – Рейн опустил на стул около кровати. – Ты помнишь период Последней войны магов?

– Да, помню. Это когда Восточная провинция разошлась во взглядах на пределы допустимого использования магии со всем остальным миром.

Рейн кивнул. – Одно из последних изобретений магов Восточной провинции – «скорлупка цикады», приспособление для сбора, или скорее кражи чужой жизненной и магической силы. Замкнутый контур, в центре которого устанавливался накопитель. Контур настраивался на вытягивание силы из того, кто приближался к нему. Внутри контура обычно ставили небольшой барьер, чтобы хозяин мог там безопасно находиться, заменить наполненный накопитель пустым, например. Ловчая сеть цепляла всех, кто подходил по характеристикам, в радиусе от нескольких метров до нескольких километров, и притягивала к центру. От попавших в сеть оставалась сухая оболочка. Собственно, поэтому и «скорлупка цикады».

– А как определялись характеристики тех, кто должен притянуться?

– По желанию создателя. Обычно оценивался уровень силы, по крайней мере, я встречал именно такое описание.

– То есть, чем сильнее маг, тем больше у него шансов попасть в ловушку?

– Не могу сказать со стопроцентной уверенностью. Скорее так дифференцировались обычные люди и маги. Ловить магов было выгоднее.

Даниэль хмурился. – Я почти ничего не помню. А как мы выбрались?

– Эта ловушка не действовала на обычных людей. Поэтому девушка сумела тебя вытащить. Когда ты перестал ей мешать.

Даниэль откинулся на подушку, переваривая информацию.

– А Вася в порядке?

– Не совсем.

Даниэль встревоженно приподнялся, глядя на него.

– Ничего серьезного, – качнул головой Рейн, – просто этим надо заняться.

– Ты ей поможешь?

– Да, я позабочусь об этом.

Даниэль благодарно кивнул, вновь опускаясь на подушку.

– Я еще хотел спросить, как у тебя получилось...

– Не сейчас, – Рейн поднялся, – у меня самолет. Я вернусь через несколько дней, тогда и спросишь.

– Я думаю, вы уже поняли, что имеете дело с не совсем обычными людьми. Маги, или волшебники, как нас еще называют, стараются жить, не привлекая к себе особого внимания. Связано это с многими причинами, в том числе исторического характера. В целом, как я предполагаю, устройство общества ненамного отличается от того же у вас. Как и многое другое. За исключением собственно магии. Это способность использовать одну из существующих энергий мира в собственных целях. Некоторые варианты ее применения вы видели.

В моей голове с шелканьем вставали на место последние кусочки паззла.

– А Даниэль?

– Он тоже маг. Из довольно известной семьи.

– Но тогда почему в лесу?..

Я почему-то думала, что маги и волшебники – всеильны. Ну, или хотя бы могут намного больше, чем обычные люди. В общем-то все сказки, что я читала, были об этом.

– Маги, в общем-то, тоже люди. Даниэлю повезло, что рядом оказались именно вы. Думаю, он сам вам еще об этом скажет. Как только его выпустят из клиники, – предупредил он мой вопрос. – Вы спасли ему жизнь. То, с чем вы столкнулись – магическая ловушка, очень опасное устройство. Для магов. И относительно безвредное для обычных людей.

Да уж, безвредное. Я поежилась.

– Возвращаясь к вам. Ловушка не сумела вас задержать, но оставила след. Сам по себе он вам не вредит. Но он действует как манок, привлекая к вам всякого рода нечисть.

– Нечисть? – я округлила глаза.

– Да, общее название для некоторых классов существ. В норме люди их не замечают.

– А они безопасны?

– Нет, – ответил он. – Напротив. Те, что были вокруг вас до сих пор, могли и не нанести значительного урона. Но я предполагаю, вы сами замечаете разницу в вашем состоянии...

Еще бы я ее не замечала. Оказывается, это еще незначительный урон.

– Кроме того, никто не сможет дать гарантии, что рано или поздно манок не привлечет что-то более опасное.

И мне будет еще хуже. Или не будет. Потому что мертвым все равно.

– А убрать этот... манок можно?

– Да.

И замолчал. Я поняла, что все сложно.

– Это достаточно старый артефакт, есть принципиальные отличия... – задумчиво начал он. – Но, впрочем, вам это не важно. Убрать можно. Но есть некоторые трудности.

Он словно раздумывал, говорить мне что-то или нет.

– Мне надо заплатить?

– Что?

В первый раз за все время нашего общения невозмутимое выражение слетело у него с лица. Он изумленно смотрел на меня.

– Нет, вам не надо ничего платить, – произнес он наконец, возвращаясь к обычному своему состоянию. Я почувствовала себя неловко, но не понимала, почему. Глупый вопрос получился, похоже.

– Что касается способов помочь вам. Я знаю два. Один из них – стандартный протокол, который используют люди для лечения галлюцинаций. Не отгоняющий нечисть, но приглушающий восприимчивость. И, как я уже сказал, без гарантий... Второй – надежен. Но не легален.

Мне стало смешно. Так всегда и бывает.

– Я... Похоже, выбора нет, правда?

Он помедлил. – Говорят, выбор есть всегда. Просто не все варианты бывают приятными или приемлемыми.

Что-то проскользнуло в голосе, что заставило меня вскинуть глаза. Но нет, его лицо было по-прежнему непроницаемым, совершенно невозможно прочитать что-либо.

– И что же это за способ?

– Определенный ритуал. Суть я расскажу позже, если вы согласитесь. У него есть несколько особенностей. Первое – он запрещен. Вам, как обычному человеку, это не столь важно. Запрет касается магов. Но это влечет за собой требование соблюдать тайну. Никто не должен о нем знать. Говоря «никто», я именно это и имею в виду. – он внимательно посмотрел на меня. – Включая Даниэля или Максима. Второе – ритуал необратим. Его нельзя будет отменить ни после, ни во время. И третье – процесс довольно-таки болезненен.

Это незаконно, это больно, и это тайно. Ах да, еще это нельзя отменить. Я сжала руки.

– А после? Я перестану все это... Нечисть уйдет? Больше не вернется? Никогда?

– Да. Ритуал даст вам абсолютную защиту как от магического, так и от физического воздействия. Вам больше не придется беспокоиться о подобном.

Он жестом указал на область вокруг меня.

Мысли в моей голове превратились в туман, который таял, стоило только посмотреть на него.

– Почему вы мне это предлагаете?

– Потому что другие приемлемые варианты для вас сейчас недоступны. – он сделал акцент на слове «приемлемые».

Вот так.

Я молчала, пытаюсь собрать-таки ком тумана во что-то определенное. Он не торопил.

Наконец он глянул на часы и сказал.

– Я отвезу вас домой сейчас. Обдумайте все и позвоните мне завтра.

Я помотала головой. – Нет. Я... Я согласна.

Он помедлил и кивнул. – Хорошо. Мне необходимо подготовить кое-что. Вот адрес.

Он написал несколько слов на листке и протянул мне. – Я буду ждать вас завтра. В двенадцать вам будет удобно?

– Ночи?

– Дня. – мне показалось, он усмехнулся.

Не знаю, что и как он делал, но после встречи с ним кошмары отпускали. В прошлый раз было то же самое. Я списала... Да ни на что не списала, слишком много было других впечатлений.

Сейчас я медленно шла по улице, вдыхая полной грудью августовский воздух, голова слегка кружилась от ощущения внезапной легкости без этих потусторонних взглядов. Нечисть, так он их назвал. Тупая головная боль, мой постоянный спутник в последние недели, отступила. Запахи обострились, ранние прелые листья пахли пряно и уютно, воздух был прозрачный и золотистый от неяркого солнца. И тепло. На улице было тепло.

Выбор без выбора. Вот что это на самом деле было. Выбери жить по закону, в боли и страхе. Или нарушь закон, но больше не будешь бояться. Я и раньше не считала себя слишком стойкой и храброй. Больно и незаконно? Плевать! Я выбрала.

Вечером я долго не могла заснуть, прокручивая в голове разговор. Что-то в нем изменилось, что-то было не так. И я никак не могла уловить, что именно. Тон голоса? Вроде бы такой же, ровный, низкий, спокойный. Эмоции? Ни капли не прибавилось. Но вчера я определенно почувствовала себя человеком, а не насекомым, как раньше.

Приехала я на час раньше. Боялась заблудиться в незнакомом районе и опоздать. Можно было вызвать такси, но такая мысль мне в голову не пришла. Я вышла из автобуса, попетляла между домами, и, наконец, нашла нужный. Обычный с виду дом. Никаких волшебных дверей, охранников-церберов, абсолютно ничего, на основании чего можно было бы сделать вывод, что здесь живет волшебник.

Хотя, я с Максом и Даном общалась почти год, и тоже ничего не заметила. Маги. Кто бы мог подумать.

Я трижды обошла дом, разглядывая окна, двери подъездов, клумбы вдоль стен. Затем нашла нужный подъезд и села на лавочку.

Одиннадцать сорок пять. Наверное, уже можно идти. Я набрала код на домофоне.

– Девушка, вы куда? – консьержка подозрительно разглядывала меня из окошка, поджав губы.

– В сорок девятую, – неожиданно смутилась я.

Я просто иду... Ну да, на ритуал. Практически жертвоприношение. Я хихикнула и остановилась у дверей лифта. Почему-то опять начало потряхивать.

Лифт выпустил меня на нужном этаже, как раз напротив двери с номером «49». Совершенно обычная дверь. Я поднесла руку к кнопке звонка. Без десяти. Рано, наверное. Правила приличия требуют пунктуальности. Рука зависла. Или правила все же требуют приходить раньше?.. Наконец, я решилась и нажала кнопку. Обычно звонки слышно даже за хорошо изолированными дверями. Здесь же не раздалось ни звука. Неисправен? Позвонить еще раз? Пока я раздумывала, замок тихонько щелкнул и дверь открылась.

Он молча посторонился, пропуская меня и закрыл дверь. Внутри квартира тоже была обычная. Очень просторная и светлая. Нигде не горели расставленные в определенном порядке свечи, не было нарисовано пентаграмм. И жертвенного алтаря посередине комнаты не было.

– Я сделаю чай. – Он указал мне на диван у низкого столика и отошел.

Комната казалась огромной и полупустой. Окна в пол, закрытые бамбуковыми жалюзи, диван, столик перед ним. Большой прямоугольник телевизора на стене. Интересно, он смотрит кино? Дан вот смотрел. Дизайнерские орхидеи в огромном прямоугольном горшке были белыми в цвет стен. Он сам за ними ухаживает? Или они пластиковые? Вряд ли. Вся обстановка напоминала картинку из модного журнала про дизайн. Единственным живым пятном была шахматная доска с расставленными по ней фигурами. Начатая партия. С Даном? Или он играет сам с собой? Вроде бы некоторые так делают.

Я подняла голову, услышав легкие шаги. Он опустил на стол поднос с прозрачным чайником и двумя чашками, разлил светлую, почти бесцветную жидкость по чашкам и протянул одну мне. Чай был странным. Он пах только что скошенной травой, был слегка терпким и сладковатым на вкус.

– Что это?

– Чай, обычный зеленый, – ответил он слегка удивленно.

– Зеленый? Он же... – я скривилась, пытаюсь подобрать слово, – на веник похож.

– Он горький, если его заварить кипятком и передержать, – честное слово, он улыбался. Протянул руку, взял у меня чашку и налил еще. – Если же правильно заварить, то он – такой.

Я не знала, что чай нельзя заваривать кипятком. И вообще не особенно-то и любила его. Пила потому, что больше трех кружек кофе в день не выдерживала. Но этот был совсем другим.

– А можно мне еще?

– Разумеется.

Он взглянул на меня и опять слегка улыбнулся. Это была даже скорее тень улыбки, но она полностью меняла лицо.

– А эта партия, это с Даном?

– Да.

– И кто выигрывает?

– Пока рано судить. – Он развернул доску, задумчиво посмотрел на нее.

– Я слышала однажды, как кто-то назвал пешки душой шахмат.

Он перевел взгляд на меня. – Да. Франсуа-Андре Филидор, один из сильнейших шахматистов мира, писал об этом в своей книге. Он считал, что от их расположения целиком зависит победа или поражение в партии.

– Вот как... А я думала, тот человек был просто поэтичен.

– Вполне возможно. Шахматы и поэзия очень хорошо сочетаются.

В тишине я медленно допила чай и поставила ее на поднос. Он наклонился, чтобы унести его, длинная черная прядь скользнула на лицо.

Он вернулся и опустился на диван напротив меня.

– Вы готовы?

Волнение нахлынуло обратно вместе с его вопросом. Голос внезапно отказал, и я просто кивнула, сцепив руки на коленях.

– Хорошо. Я обещал рассказать. Суть ритуала... Впрочем, – он слегка поморщился, – это слишком громкое слово. Я нанесу руны на ваше тело. Они и будут вас защищать. Рисунок будет невидимым, обычные люди никогда о нем не узнают. Маги – могут, при определенных обстоятельствах, но это потребует целенаправленных действий. Случайное раскрытие тайны маловероятно.

Он помолчал немного и продолжил.

– Вы уже видели руны. – Он провел пальцами по поверхности стола и там засветился голубой знак.

– Как... как они меня защитят? – в горле пересохло, голос прозвучал хрипло.

– Это университетский курс, на самом деле. Но я постараюсь кратко. Правильная последовательность рун создает некое поле, образующее вокруг объекта энергетический барьер. Эта энергия достаточно материальна, чтобы предотвратить физический ущерб. И достаточно нематериальна, чтобы отогнать энергетических существ.

– А почему они запрещены?

– Запрещены не сами руны. – Он внимательно смотрел на меня, словно раздумывая, что еще мне можно позволить знать. – Нанесенные определенным образом, они могут менять тело и... его характеристики. Когда-то давно с их помощью наказывали неудобных магов, лишая силы. Процесс долгий и сложный, но крайне эффективный. Поэтому и был запрещен.

– Он имеет отношение к тому, что мне?..

– Это именно он и есть. С некоторыми необходимыми изменениями. Вы не обладаете силой, поэтому для вас он не опасен. Вреда я вам не причиню. Боль – да. – Он развел руками, – Но, к сожалению, это неизбежная часть, своего рода плата за будущее... спокойствие.

Я снова кивнула. Он прав, боль, которая закончится, казалась мне приемлемой платой.

– Что мне нужно делать?

– Раздеться.

Я ошарашенно уставилась на него, пытаюсь найти на лице следы улыбки, которая показала бы, что он шутит.

– Руны наносятся на тело, – вздохнув, пояснил он. – Для этого требуется непосредственный контакт с кожей. Так уж устроена эта магия. Я обещаю вам, что не попытаюсь... как-либо воспользоваться ситуацией.

Щекам стало горячо. Чувствуя, как жар разливается по всему лицу, я вцепилась в край свитера и неуклюже потянула его в сторону.

– Позади вас халат. Я вернусь через пару минут.

Все еще с горящим лицом я кое-как стянула одежду, путаясь в молниях и пуговицах и спешно завернулась в темный халат, оказавшийся, к слову, хаори. Неудивительно. Еще у такого владельца должна быть припасена пара катан... Я несколько раз глубоко вдохнула, стараясь успокоиться. Представляю, что я на приеме у врача. У хирурга, например.

Первое прикосновение было едва заметным. Пальцы скользнули вдоль спины, прочерчивая линии, которые налились теплом. Это было не больно, скорее странно. А потом сотни маленьких иголочек впились в тело, следуя за движениями пальцев. Это было похоже на нанесение татуажа, по крайней мере поначалу. Вот только иглы с каждым прикосновением становились все длиннее и проникали все глубже. Пошевелиться было страшно – вдруг своим движением я испорчу что-нибудь. Я судорожно вдохнула после очередного прикосновения. Слезы выступили на глазах. Из всех сил я старалась сдерживать их. Я ведь знаю, ради чего все это, я сама согласилась. Каждый укол – это минус одна нечисть вокруг меня. Минус один кошмар, плюс спокойная ночь. Я закусила губы, чтобы случайно не закричать. Но в какой-то момент силы иссякли, и я забыла обо всем, кроме тонких острых игл, которые словно пронизывали меня насквозь. И все это длилось и длилось, как мне казалось, вечность.

О том, что все закончилось, я поняла только когда он накинул мне на плечи хаори. Какое-то время я лежала, не в силах пошевелиться, потом попыталась встать. Он мягко подхватил меня, помогая подняться.

– Мне... в ванную, – голос не слушался, тело била дрожь.

– Вот здесь. – он подвел меня к двери и открыл ее. – Я принесу вашу одежду.

Я присидела на полу в ванной минут пятнадцать, пока, наконец, слезы не перестали литься. Лицо было опухшим несмотря на то, что я несколько раз умылась холодной водой. Все еще еле держась на ногах, я вышла из ванной комнаты, руки мелко дрожали. Электрический свет в комнате показался слишком резким.

Он поднялся мне навстречу с дивана. – Садитесь.

В руках у меня оказалась большая чашка.

– Пейте, станет легче.

Этот чай, или что это было, был горячим, горьковатым и пряным. От него и правда стало легче, дрожь наконец-то прекратилась, дыхание выровнялось. Тепло от чая докатилось до кончиков пальцев.

Он взял у меня пустую чашку и сказал, – Вам сейчас лучше поехать домой. Скоро захочется спать. Это нормально, не пугайтесь. Я отвезу вас.

Говорить не хотелось, мысли стали тяжелыми и неповоротливыми. На улице уже стемнело, фонари у подъезда расплывались желтыми звездами. Я послушно села в машину и также

послушно вышла из нее у общежития. Дверь была странно тяжелая, и я так и стояла бы там, если бы он ее не открыл. Лестница и стены дрожали вокруг и хотели закружиться вокруг. Я кое-как дошла до своей комнаты и упала на кровать.

Звонок раздался поздно вечером. Рейн, не глядя взял трубку.

– Добрый вечер, леди Альтан.

Такие звонки – редкость. Что-то случилось?

Ее голос звучал сухо. – Я подумала над твоими словами, и нашла в них смысл. Можешь отправить девушку в клинику. Уточни, кто из целителей возьмется. Единственное условие – я не хочу, чтобы она пересекалась с Даниэлем.

– Да, леди Альтан, я позабочусь об этом.

Он опустил руку с телефоном и откинулся на спинку дивана. С минуту он смотрел в никуда, потом потянулся к шахматной доске и переставил черную пешку на одну клетку вперед.

6. Стажировка. Начало

Ловушка – в шахматах попытка спровоцировать соперника на внешне выгодное продолжение, которое в действительности оказывается ошибочным.

В широком смысле ловушка – любой хитрый ход, содержащий скрытую угрозу и рассчитанный на промах противника. В узком смысле ловушка – это не всякая провокация ошибки, а лишь такая, которая связана с определённым риском. (Википедия)

Я сидела на кровати, разглядывая руку. Рука как рука, ничего на ней не видно. Впрочем, он так и сказал. Никто ничего не увидит. Кроме магов. Но их вокруг не так, чтобы много. Хотя с какой стороны посмотреть. На меня одну вот аж целых три теперь...

Последние выходные августа. За эти два дня мне нужно решить, что делать со стажировкой. В прошлом году я договорилась с университетской библиотекой, где помогала приводить в порядок картотеку. Мне написали милую характеристику, и это зачлось за внутриуниверситетский проект. В этом году такое не прокатит. Придется искать компанию на стороне.

На утро после ритуала я проснулась в пять. Просто открыла глаза и лежала, уставившись в потолок. Тело было странно легким и будто не моим. Страшно было пошевелить даже пальцем. Что если вчерашние иглы все еще здесь? Я бы и не вставала, но пришлось – захотела в туалет. А это не та вещь, которую можно бесконечно откладывать. Осторожно я слезла с кровати, каждую минуту ожидая боли. Но ее не было. Не было и всех потусторонних звуков. Ни пока я была в комнате, ни в коридоре, ни в ванной. Я прошла по всему общежитию, под конец специально задерживаясь в темных уголках. Не было.

Когда Маша проснулась, у меня уже был готов завтрак.

– Ты в порядке? – вместо приветствия спросила она.

– Да, кажется, в полном.

– Ты меня вчера очень сильно напугала.

Я замерла с чайником в руке, – Я? Почему?

– Ушла с утра, весь день тебя не было, вернулась поздно, и в таком состоянии, что даже раздеться не смогла.

Это правда, я вчера уснула в чем пришла. Наверное, этот странный чай виноват. Или, может, устала сильно. Да, наверное, это выглядело странно. За всеми своими проблемами я совсем не подумала, что она может за меня беспокоиться.

– Маша, прости, я не хотела. Я сама не знала, что так получится. Это лекарство, видимо.

– Ты у врача была?

– Да.

– У того самого, что звонил накануне?

– Ага, – я вспомнила, что назвала Рейна врачом, – точно, у него.

Маша странно взглянула на меня и не ответила, уткнувшись в кружку с кофе.

– Ладно, я надеюсь, этот врач и вправду тебе поможет, – произнесла она через некоторое время.

На шесть разосланных мной резюме я получила только два ответа, и оба – отказ. Компании уже набрали стажеров. Сама виновата, надо было раньше озаботиться. Оставались еще четыре варианта. И именно ими я планировала заняться в перерыве между лекциями.

– Привет. Я тебя искал.

Разрисованный стаканчик с кофе из той самой кофейни опустился на парту рядом с ноутбуком. Я, открыв рот, смотрела на поставившего его. Максим, приносящий мне кофе – такой же нонсенс, как... как веселый Рейн Сайондзи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.